ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ

ТЕ, КТО ЗАБЫВАЮТ ДОМОЙ

ПАМЯТЬ МАТЕРИАЛА.
КНИГА ТРЕТЬЯ

Некоторые вопросы не решаются одной справкой.

Роман Штерн

Те, кто забывают домой

«Автор»
2026

Штерн Р. И.

Те, кто забывают домой / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

Антонина Седова стала забывать привычные действия, а однажды вышла из автобуса и не смогла объяснить, куда собиралась. Муж забрал её банковскую карту и договорился с кадровиком об увольнении. Но Антонина приходит к профпатологу Инге Мельниковой не за справкой о здоровье — она просит остановить решения, которые принимают без неё. Обследование подтверждает нарушения. Их причину предстоит искать в двадцати девяти годах работы на вискозном производстве, где хорошие сегодняшние замеры ещё ничего не говорят о прошлом. Третья книга цикла «Память материала».

© Штерн Р. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Карта у мужа 6
Глава 2. Не тот порядок 14
Глава 3. Нитка на ладони 22
Глава 4. Хорошая линия 30
Глава 5. То, чего не измерить сегодня 37
Глава 6. Свой остаток 44
Глава 7. Другой ответ 51
Глава 8. Кто стоял у ванны 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Роман Штерн
Те, кто забывают домой

От автора

У книги перед прочими делами есть одно скромное преимущество: она не напоминает о себе каждые пять минут. Тем приятнее мне, что Вы сами выбрали именно её и открыли эти страницы. Спасибо за Ваше время, внимание и доверие — я понимаю, что у всех трёх сегодня наверняка найдутся другие претенденты. Не стану задерживать Вас длинной благодарностью, иначе она начнёт спорить с собственным смыслом. Пусть для чтения найдётся удобная минута, которая, если Вам захочется, незаметно станет часом.

Глава 1. Карта у мужа

В бывшей проектной комнате опять не открывалась форточка. Павел стоял на стуле и придерживал раму, пока Инга вытаскивала из-под неё край жалюзи.

— Не тяни, — сказал он. — Это несущая пыль.

Рама подалась. С улицы вошли прохладный воздух и запах разогретого масла из пекарни этажом ниже. Павел спустился, убрал стул с прохода и вернулся к двум раскрытым футлярам. Один прибор предстояло отправить на обслуживание, другой — подготовить к выезду. Поменять их местами можно было только на столе: для работы они друг друга не заменяли.

За две недели после возвращения из Североречинска Инга успела привыкнуть к собственному кабинету, но не к тому, что вечером можно не собирать сумку. Сегодня сумка всё же стояла под столом. После обеда был приём в клинике, завтра — сверка по действующему договору.

— На внешнюю оценку оставил среду, — сказал Павел. — Весь день. Не ставь туда консультации.

— Даже если очень попросят?

— Тогда попросим оценщиков прийти ночью. Они обрадуются.

На стене рядом с календарём висела таблица методик. В двух строках стояло «партнёрская лаборатория», в третьей — «вне действующей области». Павел вчера исправил слишком широкий заголовок и теперь ждал счёта за очередной этап проверки. Инга хотела спросить, пришёл ли он, но в коридоре зазвонил дверной звонок.

Седовы приехали на двадцать минут раньше. Мужчина внёс плоскую сумку с документами и пакет с термосом. Женщина осталась у вешалки, стягивая перчатку за кончики пальцев. Подкладка вывернулась; она с раздражением затолкнула её внутрь.

— Антонина Глебовна? — спросила Инга.

— Да.

— Проходите.

Мужчина придержал жене стул, положил перед Ингой папку с прозрачными карманами.

— Михаил Седов. Я по телефону говорил. Тут всё по порядку, начиная с осени. Только выписку последнюю не дали, сказали, пусть сама приходит.

Антонина села, не снимая сумку с плеча. Ей было пятьдесят семь, как значилось в записи, но Инга прежде отметила не возраст, а плотно сжатые губы и покрасневшую полоску над воротником: шарф, вероятно, был завязан слишком туго.

— Что вы хотели бы сегодня обсудить? — спросила она Антонину.

— Мы хотим понять, как дальше, — ответил Михаил. — Она на производстве, там нельзя так. В автобусе вот…

— Я не в автобусе потерялась.

— Тоня, я рассказываю, как было.

— Так и рассказывай. Я вышла. Ты приехал к остановке.

Михаил раскрыл первый карман, но лист не вынул.

— Сорок минут я тебя искал.

— Ты ехал сорок минут.

Они оба посмотрели на Ингу, словно теперь ей предстояло распределить эти сорок минут между ними.

— До автобуса мы дойдём, — сказала она. — Антонина Глебовна, зачем вы решили приехать?

Женщина поправила ремень сумки.

— Мне с работы прислали. Я сначала… Мне позвонили, спросили, на какое число. Я говорю: чего на какое? А они уже с ним поговорили. Я хотела сначала объяснить, что я не…

Она остановилась. Михаил потянулся к папке.

— Соглашение. Оно здесь.

— Я знаю, что оно здесь.

Антонина вытащила руку из-под ремня и положила ладонь на стол. Костяшки побелели.

— Я не за справкой, что здоровая. Вы можете сделать, чтобы меня не увольняли, пока я сама не решила?

Инга подвинула к себе чистый лист.

— Можем разобраться с документом и с вашей позицией. Обещать результат до разговора не стану.

— Вот. Сначала с этим. Я ведь с этого начала.

За дверью щёлкнули замки приборного футляра. Антонина повернулась на звук и уже не сразу вернулась к фразе. Она начала снова — про звонок из отдела кадров, — дошла до вопроса о дате, запнулась и сердито махнула рукой.

Инга не записала в эту минуту ничего.

— Часть консультации я обычно провожу без сопровождающих. Вы согласны поговорить со мной отдельно?

Антонина кивнула раньше, чем Михаил поднял голову.

— Конечно, — сказал он. — Только она не всё вспомнит. У меня записано.

— Ваши наблюдения тоже можно будет выслушать. Отдельно.

Он достал из пакета термос, посмотрел на жену и оставил его возле её сумки. Папку собирался унести, но Антонина придержала край.

— Это мои.

— Я же не забираю. Просто думал, вам стол освободить.

Он вышел. Инга дождалась, пока шаги удалятся от двери.

***

Без мужа Антонина не стала говорить свободнее. Сначала она долго расстёгивала сумку, потом нашла сложенный вчетверо листок, прочла первые две строки и положила его оборотом вверх.

— Дома написала. А сейчас не понимаю, с какого места.

— Можно не по порядку.

— Мне как раз надо по порядку. Иначе опять выйдет, что я одно и то же.

Инга откинулась на спинку стула.

— Тогда начните с того, что вам легче.

— Я двадцать девять лет на волокне. На «Вязовском волокне», это Пермский край. Не на одном месте всё время. Вискоза у нас. Вы знаете?

— В общих чертах. Вашу работу нужно будет разобрать подробно.

— Там всё меняли. Он говорит «химия» — и будто я двадцать девять лет в ведре сижу.

Она впервые посмотрела прямо на Ингу.

— Вы думаете, состояние связано с работой?

— Я не знаю. После смены хуже. Но после смены все никакие. Раньше я посплю — и всё. А теперь вроде выспалась, а ещё не собралась.

Инга спросила, когда это началось. Антонина назвала прошлую весну, потом осень, пояснила, что весной стали неметь пальцы, а осенью муж начал спрашивать, почему она всё переспрашивает. Временами ей казалось, будто между пальцами и пуговицей лежит тонкая ткань. Силы застегнуть хватало, но нужное движение получалось не сразу.

— Мелочь из кошелька высыпаю на стол. Так проще. Он увидел и говорит: зачем ты деньги рассыпала? Да не рассыпала я.

— С обеих рук?

— С обеих. Не каждый день одинаково.

— На работе повторяли уже сделанное?

Антонина отвела глаза к форточке.

— Было. Я отметку проверила. Потом ещё раз пошла. Девчонка говорит: ты же смотрела. Я помню, что смотрела. Только не помню, закончила или собиралась.

— Опасное действие повторили или проверку?

— Проверку. Не пуск. Вы так и запишите.

— Так и записываю.

Почерк у Инги стал мельче. Она остановилась, переписала название предприятия разборчиво и спросила о других случаях. Антонина рассказала, как дважды собирала одну сумку на смену, как забыла выложить из неё пустой контейнер и потом искала его дома. О раздражительности сказала сама:

— Рявкаю. На него, на дочь. Слышу себя — и ещё злее. Они уже тихо начинают разговаривать. Будто я стеклянная.

— Сон изменился?

— Просыпаюсь. Иногда к четырём. Но не всегда.

О лекарствах пришлось говорить с упаковками. Две Антонина принесла с собой, название третьего средства помнила приблизительно. Инга не стала угадывать: попросила прислать фотографию. Давление повышалось несколько лет; таблетки Антонина принимала, но время иногда сдвигала из-за смен. Недавних ударов головой, потери сознания, внезапной слабости в одной стороне тела она не описывала. Инга задавала вопросы по одному. Ответов хватало не на всё, и пустые места пока оставались пустыми.

— Теперь про остановку. Когда это было?

Антонина посмотрела в телефон.

— Десятого. Нет… Сегодня у нас… Десять дней назад, в воскресенье. После дневной.

— Что вы помните последним перед выходом?

— Что автобус притормозил. Я встала.

— Решили, что приехали домой?

— Не знаю.

Она произнесла это негромко, но резко, словно уже защищала ответ.

— Он всё спрашивает: зачем вышла? Если бы я знала, я бы сказала. Там раньше пересаживались. Давно уже не надо. Я стояла у киоска. Киоск закрыт. И не могла понять, куда теперь идти.

— Место узнали?

— Да. А зачем я там — нет.

— Что сделали?

— Позвонила ему. Сначала хотела посмотреть автобус обратно. Потом позвонила.

— Телефоном смогли воспользоваться сами?

— Смогла. Я не забыла, кто я.

Инга подняла глаза.

— Я этого и не предполагаю. Мне важно, что вы смогли сделать в той ситуации.

Антонина разгладила листок ладонью. На обороте проступили продавленные домашние строки.

До следующей смены оставалось три дня. На два дня Седовы заранее взяли отгулы и собирались ночевать у знакомых в Екатеринбурге. Инга уточнила, есть ли в работе движущиеся части, горячие поверхности, действия, где пропущенный шаг может подвергнуть опасности её или другого человека. Антонина отвечала всё короче.

— Есть. Но я же не одна там.

— Что делаете сами?

Та назвала несколько операций. Инга попросила объяснить без цеховых сокращений. Из рассказа стало ясно достаточно для ближайшего решения, но недостаточно для оценки рабочего места.

— До возвращения в смену нужно очное неврологическое обследование, — сказала Инга. — Завтра я могу предложить консультацию у Лидии Черновой. Сегодня справки о возможности прежней работы не будет.

— А я её и не прошу.

— Вы сказали, что хотите продолжать работать.

— Хочу. Только это не значит, что можно меня без меня убирать.

— Не значит.

Инга записала время, которое ещё предстояло подтвердить, адрес клиники, перечень документов. Она знала удобный порядок: осмотр утром, после него обсуждение, запросы в поликлинику, отдельная работа с кадровым проектом. Пока она говорила, Антонина кивала. Плечи у неё немного опустились, и Инга приняла это за облегчение.

— На всё согласны? — почти спросила она и остановилась. — Давайте разделим. Консультация невролога — да или нет?

— Да.

— Получить прежние медицинские документы можно только с вашим разрешением. Начнём с последнего медосмотра и записей по нынешним жалобам. Не со всей вашей истории.

Антонина прочла названия организаций. Одно поправила: медосмотр проводила другая клиника, на бумаге сохранилось старое название.

— И Софья Львовна, наш юрист, посмотрит соглашение. Ей не нужен весь сегодняшний разговор.

— Это да. Это сегодня надо.

Инга положила перед ней отдельные формы, пояснила, что именно нужно в каждой. Антонина дочитывала медленнее, чем Инга ожидала. Из коридора донёсся телефонный звонок, потом голос Павла: он просил не менять назначенную дату обслуживания. Инга взглянула на часы и тут же убрала руку под стол.

— Результаты сначала вам, — сказала она. — С кем их обсуждать дальше, решим отдельно.

— Мне на почту не надо. Я туда редко.

Они записали подходящий способ связи и договорились о личном обсуждении. Антонина подписала согласие на запрос документов, но форму с участием сопровождающего отодвинула.

— Пока пусть полежит.

***

Софья пришла с кружкой, в которой лежал чайный пакетик без воды. Увидев термос, на секунду задержала на нём взгляд, но села, ничего не попросив.

— Покажите, что вам прислали.

Антонина открыла на телефоне письмо. Вложение пришлось увеличить: строки уезжали за край экрана. Софья предложила переслать файл на рабочий адрес для разбора и сохранения. Антонина согласилась, сама выбрала письмо и показала дату.

Проект прислали три дня назад. В нём уже стояли фамилия, должность, предполагаемый день прекращения трудового договора и сумма дополнительной выплаты. Подписи Антонины не было. Не было и её заявления.

— Сумму с вами обсуждали? — спросила Софья.

— Нет.

— Дату?

— Спросили, подходит ли. Я сказала: я вообще не поняла, о чём вы.

— До этого вы кому-нибудь говорили, что согласны уйти по соглашению?

— Я дома сказала, что сил нет. Это что, заявление?

— Нет. Я уточняю, был ли другой разговор.

Антонина повернула телефон к себе, нашла сообщение кадровика. «Как обсудили с Михаилом, направляю проект для ознакомления».

Софья прочла, не меняясь в лице.

— С Михаилом обсудили что именно?

— Он говорил, что надо по-хорошему. Чтобы не начали искать ошибки. У него в коммунальной службе, он мастер, так кто-то ушёл. Ему шестьдесят, он всё знает, как лучше.

Последние слова она сказала тем тоном, каким, вероятно, повторяла их дома.

— Вы проект подписывали на бумаге? Электронной подписью?

— Нет.

— Кто-то подписал за вас?

— Насколько я знаю, нет. Она сказала: приедете — подпишете.

Софья положила телефон на стол экраном к Антонине.

— Тогда сейчас у нас проект, не состоявшееся увольнение. Его можно обсуждать, отклонить, не подписывать. Но вашу позицию лучше сообщить прямо, чтобы разговор с мужем не оставался единственным объяснением.

— Ей позвонить?

— Можно. А ещё отправить текст, который сохранится. На официальный адрес кадровой службы. Он есть в письме. Если появится приказ или скажут, что уже всё оформлено, это будет отдельная ситуация. Сейчас её не будем придумывать.

— А с ним что?

— Вы хотите предъявить ему какое-то юридическое требование?

Антонина помолчала.

— Я хочу, чтобы он перестал ходить за меня.

— Это можно сказать точно. Но я не могу по одному проекту обещать вам дело против мужа. И семейный спор не превращает документ в подписанный.

Софья подвинула блокнот.

— Как вы сами хотите написать?

Антонина взяла ручку. На первой строке появилось: «Я пока не готова…» Она остановилась.

— Это они опять скажут — потом готова буду.

— Могут понять как просьбу перенести дату, — согласилась Софья.

— Тогда: «Я не согласна увольняться».

— По присланному соглашению?

— Да. И пусть мне звонят, не ему.

Они составили короткий текст. Софья предложила указать дату проекта и просьбу подтвердить получение. Антонина вычеркнула «возражаю против действий» — сказала, что так она не говорит. Вместо этого написала: «Разговоры с моим мужем не являются моим согласием».

Инга сидела у окна, не вмешиваясь. На столе лежали медицинские формы, но Софья к ним не прикасалась.

— Про болезнь писать? — спросила Антонина.

— Для этого сообщения не нужно.

— А если решат, что я испугалась?

— Они могут что угодно решить. Нам важно, чтобы им было понятно, чего вы не согласовали и с кем теперь разговаривать.

Антонина прочла весь текст вслух, сбилась на длинном предложении, вернулась к началу. Софья предложила разбить его на два. Потом Антонина перепечатала сообщение в телефон. Палец дважды попадал в соседнюю букву; она не отдавала аппарат.

Когда всё было готово, Софья попросила проверить получателя. Антонина сверила адрес с исходным письмом.

— Отправлять?

— Это ваше сообщение, — сказала Софья. — Текст вас устраивает?

— Устраивает.

Она нажала кнопку и ещё несколько секунд смотрела на экран.

Копию проекта сохранили с письмом, датой и сведениями об отправителе. В рабочую запись внесли, что сообщение подготовлено при юридической консультации и отправлено самой Антониной. Подтверждение из исходящих она переслала Софье. Ответ работодателя предстояло дождаться; обещать, что теперь всё закончено, никто не стал.

Пока печатался экземпляр для Антонины, в телефон пришло сообщение от Михаила: «Вы скоро?»

Она прочла его и положила телефон рядом с распечаткой.

— Ещё нет, — сказала она, хотя за дверью её не могли услышать.

На выходящем листе оставалась незаполненной нижняя треть. Софья записала туда свой рабочий номер и попросила связаться, если до следующей беседы предложат что-либо подписать.

— Даже если просто уточнить дату? — спросила Антонина.

— Особенно если дата окажется датой вашего ухода.

Антонина сложила лист по старому сгибу проекта, заметила это и расправила. Положила оба документа рядом, не вкладывая один в другой.

***

Михаила пригласили после того, как Антонина согласилась обсудить вместе завтрашнюю поездку и ближайшее обследование. Он вошёл с телефоном в руке.

— Там от кадров пришло? Мне звонили, я не взял.

— Я им написала, — сказала Антонина.

— Что?

— Что не согласна.

Он посмотрел на Софью, затем на Ингу.

— Вы хоть понимаете, я не с улицы это взял. Я с её матерью такого не проходил. Со своей проходил. Четыре года. Сначала тоже всё сама, никого не слушайте. Потом в два ночи звонок — вашу маму у гаражей нашли. В тапочках. Ноябрь.

Он говорил без нажима; от этого рассказ оказался тяжелее. Инга представила не женщину у гаражей, о которой ничего не знала, а человека, который годами просыпался от каждого телефонного звонка.

— Вы боитесь повторения, — сказала она.

— А вы бы не боялись? Она звонит и не может сказать, зачем вышла. Я спрашиваю: где ты? Она говорит — у киоска. У какого киоска? У нас полгорода киоски.

— Я потом название сказала, — тихо ответила Антонина.

— Потом. Тоня, я же не наказываю тебя.

Он открыл термос.

— Она с утра только чай пила. Нам ещё добираться. У вас можно поесть?

Инга показала на свободный край стола. Михаил достал контейнер с бутербродами, салфетки, маленькую бутылку воды. Отделил один бутерброд и протянул жене. Она взяла.

— Обследование нужно, — сказала Инга. — Но я сейчас не могу сказать, что у Антонины Глебовны то же заболевание, которое было у вашей матери.

— Я и не требую то же. Мне надо понимать, что делать.

— Ближайшее — приехать завтра на осмотр. Время подтвердили. После осмотра будем решать дальнейшие шаги. До следующей смены вопрос безопасности работы должен быть рассмотрен отдельно.

— Значит, всё-таки нельзя работать?

— Сегодня у нас нет заключения о прежних операциях. Есть жалобы, которые нельзя оставить без оценки. Если оформление затянется, возвращение к опасным заданиям нельзя решать просто потому, что закончился отгул. Мы свяжемся с лечащей организацией, а не будем выписывать здесь кадровый приказ.

Михаил подвинул к себе лист с адресом.

— Хорошо. Результаты мне тоже отправляйте. Она может забыть открыть.

Антонина перестала жевать.

— Сначала результаты получает и обсуждает ваша жена, — сказала Инга. — Помощь с напоминанием можно организовать. Это не то же самое, что доступ ко всей медицинской переписке.

— Я муж.

— Да. Но общего разрешения на передачу сведений нет.

Он убрал руку с листа.

— То есть возить мне, искать мне, а знать нельзя.

— Я не сказала, что ничего тебе нельзя знать, — ответила Антонина. — Я сказала — сначала мне.

Михаил прикрутил крышку термоса слишком сильно, попробовал её отвернуть и оставил.

Софья спросила, могут ли они оплатить завтрашнюю консультацию удобным для Антонины способом; при необходимости можно было заранее уточнить варианты обследования по направлению. Антонина назвала сумму, которую готова потратить сейчас, и полезла в сумку за кошельком. Раскрыла его, посмотрела в пустой карман для карты.

— Карта у мужа.

— Я оплачу, — сказал Михаил.

— Ваша банковская карта у него? — уточнила Софья у Антонины.

— Моя. После остановки забрал.

— Чтобы не потеряла. Наличные у неё есть.

— Сколько ты дал.

Инга увидела, как Михаил хотел что-то возразить, но сдержался. Он посмотрел на часы, сказал, что внизу машина долго стоять не может. Антонина не стала просить карту при них. Софья предложила обсудить доступ к собственным деньгам отдельно; Антонина ответила: «Потом». Карта так и не появилась на столе.

Они закончили ближайший план. Обследование, запрос определённых записей, работа с неподписанным соглашением — это центр брал на себя в согласованном объёме. Обещаний установить профессиональную причину или сохранить прежнюю работу в плане не было.

Инга выделила завтрашний адрес и время, ниже написала, что взять с собой. Антонина проверила название улицы, спросила про вход. Михаил ответил первым:

— Найду.

— Я у неё спросила.

Он вышел за куртками. Антонина убрала контейнер, но распечатку оставила в руке. У двери она остановилась так близко, что Инга различила на её пальце белую вмятину от ручки.

— А если завтра окажется, что я правда… — Она не договорила. — Вы напишете. И это опять будет бумага, чтобы за меня решать?

— Находки обследования сами по себе никому такого права не дают, — сказала Инга. — Но могут потребовать помощи. Или ограничения конкретной работы. Я не стану скрывать это от вас.

Антонина посмотрела на лист.

— От меня не надо.

Из коридора Михаил спросил, где её шарф. Она назвала карман куртки и дождалась, пока он найдёт. Потом сложила маршрут так, чтобы время приёма оставалось снаружи, и убрала его в свою сумку.

Глава 2. Не тот порядок

Антонина принесла лекарства в пакете из-под хлеба. Коробки лежали вперемешку с блистерами; на одной шариковой ручкой было написано «утро». Она выложила их на стол Лидии Черновой и стала поворачивать надписью к врачу.

— Это третье, которое вчера не вспомнила. Не каждый день пью. Когда совсем не уснуть.

Чернова прочла название, спросила, кто назначил и когда Антонина принимала средство в последний раз. Записала ответ, не отодвигая упаковку к двум остальным.

Инга сидела сбоку, у окна. Антонина согласилась на её присутствие при осмотре и обсуждении; Михаил остался в коридоре с верхней одеждой. Оттуда изредка доносился шорох его пакета.

Приём назначили на позднее утро. Седовым не пришлось ехать сюда ночью или успевать к врачу сразу после смены. Тем не менее Антонина выглядела уставшей: под глазами залегли мягкие тени, воротник блузки с одной стороны подвернулся внутрь.

— Сегодня сколько спали? — спросила Чернова.

— Часов шесть. У знакомых диван скрипит. Повернёшься — Миша спрашивает, что такое.

— А дома?

— Просыпаюсь в четыре. Иногда раньше. Лежу, считаю, сколько ещё можно поспать.

Чернова спросила о храпе, дневной сонливости, боли, о том, менялась ли доза таблеток от давления. Антонина вытащила из сумки тетрадь. Несколько страниц были заполнены двумя разными почерками: её широким и более мелким, тесным.

— Тут мои, тут муж записывал. Он утром меряет, если я дома.

В тетради встречались высокие значения. У некоторых не было времени, возле других стояло «после работы». Чернова уточнила, как измеряли давление, и попросила не дописывать пропущенные часы по памяти.

— Сегодня проверим ещё раз, после осмотра. Не только первую цифру, с которой вы вошли.

Она говорила негромко, без замедленной, нарочито отчётливой речи, какой иногда начинают разговаривать с человеком ещё до того, как выяснят, что он понимает. У неё был плоский металлический пенал, и молоточек она доставала из него с тем же движением, с каким другой врач достал бы ручку.

До кушетки дошли не сразу. Чернова узнала, что Антонина окончила техникум, много лет сама вела домашние платежи, на работе читает карты заданий и привыкла сверять номера. Спросила, что стало труднее дома, что по-прежнему получается, замечает ли она ошибки сама.

— Платёж теперь три раза смотрю, — сказала Антонина. — Потом ещё в истории проверяю. Это разве плохо?

— Проверять не плохо. Раньше так было?

— Раньше один раз хватало.

Зрение Антонина недавно проверяла. Очки для близкого расстояния у неё были с собой. Вопросы она слышала, переспрашивала только длинные.

Во время осмотра Чернова попросила снять обувь. Антонина быстро расшнуровала первый ботинок, а со вторым задержалась: развязанный конец шнурка соскользнул с пальцев.

— Мокрыми руками легче, — сказала она, поймав его наконец. — Только вы сейчас напишете, что я разуться не могу.

— Напишу то, что проверю. Если понадобится помочь с ботинком, вы скажете.

На кушетке Антонина перестала смотреть на Ингу. Следила за рукой Черновой, затем по просьбе закрыла глаза. Отвечала, где чувствует прикосновение отчётливее, где слабее. На

кончиках пальцев несколько раз попросила повторить. Когда врач перенесла исследование к стопам, Антонина удивилась:

— Там тоже бывает. Я думала, обувь.

— Обувь тоже посмотрим. Пока скажите, одинаково справа и слева?

Инга отмечала для себя не отдельный неверный ответ, а то, что Чернова возвращалась к одному участку другим способом, меняла порядок, не сообщая, какого ощущения ждёт. Снижение чувствительности на кистях и стопах требовало уточнения; оно не исчезало от того, что Антонина старалась отвечать увереннее.

Потом были ходьба по кабинету, проверка силы, движений, рефлексов. Чернова стояла рядом, когда Антонина выполняла задания на равновесие, но не держала её заранее под локоть.

За столом врач положила перед ней лист.

— Здесь сначала одно правило. Потом оно изменится. Я объясню, и вы скажете своими словами, что нужно делать.

Антонина объяснила верно. Начала медленно, потом прибавила скорость. После смены правила дважды вернулась к прежнему порядку. Инга заметила ошибку раньше неё. Уже набрала воздух, чтобы сказать: «Теперь…»

Чернова слегка подняла ладонь, не отрывая взгляда от листа.

Антонина остановилась сама.

— Подождите. Я старое делаю.

Она провела пальцем над строкой, не касаясь бумаги, нашла место, где сбилась, и сердито выдохнула.

— Я поняла ведь.

— Поняли, — ответила Чернова. — Продолжайте отсюда.

Когда попытка закончилась, врач накрыла лист чистым, предложила перерыв. Антонина попросила воды. Стакан удержала обеими руками, хотя он был лёгкий.

Инга отвернулась к окну. Её подсказка избавила бы Антонину от нескольких неприятных секунд. И не позволила бы увидеть, как та сама обнаружила ошибку.

***

После перерыва Чернова убрала инструменты. На столе остались тетрадь давления, лекарства и лист назначений, ещё не подписанный.

— Что вы нашли? — спросила Антонина. — Только без «для вашего возраста».

— Я и не собиралась так говорить. Часть заданий на внимание и переключение вы выполняли с затруднениями. В осмотре есть изменения чувствительности. Это не только впечатление вашего мужа.

Антонина положила руки под стол.

— Значит, он прав.

— В том, что появились трудности, — сказала Чернова. — Причину мы сегодня не установили.

— Он не про трудности говорит. Он говорит — со мной теперь нельзя договариваться.

Чернова подвинула к ней тетрадь.

— Мы с вами сегодня договорились о том, что и зачем исследуем. Вы задавали вопросы, поправляли меня, когда я неверно поняла время приёма лекарства. Сейчас обсуждаем дальнейшие действия. Ошибка в пробе не отменяет этого разговора.

Инга видела, как Антонина большим пальцем трёт боковую поверхность указательного. Не глядя, точно пытаясь стереть с него невидимое пятно.

Чернова объяснила, что предстоит проверить. Назвала несколько анализов, среди них — показатели углеводного обмена, функцию щитовидной железы, витамин B12. Спросила ещё раз о питании, болезнях желудка, алкоголе, прежних травмах головы. Антонина отвечала короче, но не отказывалась.

— Вы думаете, у меня от еды?

— Я не выбираю причину до обследования. Есть состояния, которые дают похожие нарушения и требуют разного лечения.

— А двадцать девять лет в цехе?

— Они тоже входят в оценку, — сказала Инга. — Нам нужны сведения не только о стаже, но и о вашей работе в разные годы. Условия контакта с сероуглеродом, операции, результаты контроля, прежние осмотры. Пока у нас этого комплекта нет.

Чернова кивнула.

— На сегодняшнем осмотре нет признака, по которому можно назвать одно вещество. И давление оставлять в стороне нельзя. Оно у вас повышается не первый год.

Антонина посмотрела на упаковку с надписью «утро».

— Теперь всё на давление спишут.

— Нет. Но и вычёркивать его ради другой версии мы не будем.

Обследование нервов Чернова объяснила через ощущения, которые уже проверяла: нужно уточнить, где и как нарушается проведение сигнала. Если по дальнейшей оценке потребуется электронейромиография, её выполнят отдельно, по направлению. Повторная оценка внимания тоже не должна была состоять в немедленной второй попытке на том же листе. Предстояло учесть сон, лекарства, зрительную нагрузку, данные других исследований.

Инга почувствовала, что сама ждала от этого утра более цельного ответа. Не окончательного диагноза — хотя бы названия, вокруг которого можно было бы собирать дальнейшую работу. Вместо него перед ними лежали несколько направлений и тетрадь с пропущенными часами.

— А пока я могу работать? — спросила Антонина.

Чернова посмотрела на Ингу.

— Давайте уточним операции.

Инга открыла вчерашние записи.

— Вы рассказывали про повторную проверку после остановки. Мне нужен один обычный случай. Что вы делаете, когда подходите к узлу?

Антонина начала с того, кто передаёт задание. Назвала отметки, по которым узнаёт, что можно приступать к своей части работы. Потом описала ручную проверку и порядок передачи дальше.

— Вы сами отключаете?

— Не всё. Там у каждого своё. Я же не говорила, что одна всю линию пускаю.

— Не говорили. Я поэтому и спрашиваю.

— Сначала должно быть остановлено. Потом смотришь. Потом отмечаешь, что закончила. Не наоборот. Я это тридцать лет знаю.

— Знаете, — сказала Инга. — Но в смене нужно не только объяснить порядок. Нужно каждый раз выполнить его без пропуска, вовремя заметить, если условие изменилось. Иногда — при шуме, усталости, когда рядом ждут следующего действия.

— Я ничего не пустила два раза. Я проверяла.

— В записи так и осталось.

— А звучит, будто я сейчас кого-нибудь покалечу.

Инга закрыла блокнот, чтобы не говорить поверх него.

— У нас нет такого факта. Есть нарушения, при которых возвращение к отдельным опасным заданиям без оценки недопустимо. Мы не должны ждать происшествия, чтобы заняться этим.

Антонина откинулась на спинку стула.

— Вчера вы помогли мне не уйти. Сегодня сами убираете.

Чернова не стала заполнять паузу. За дверью прокатили тележку; мелко звякнули стеклянные флаконы.

— Я помогла вам выразить ваше решение, — сказала Инга. — И продолжу. Но справки, что прежняя работа сейчас безопасна для вас, не будет.

— Удобно.

— Нет.

Антонина подняла на неё глаза.

— Вы можете решать, какие обследования проходить, кого знакомить с результатами, соглашаться ли на предложенную другую работу, — продолжила Инга. — А медицинское ограничение относится к конкретным условиям и действиям. Для него не требуется объявить вас неспособной решать всё остальное.

— Если я откажусь от другой работы?

— Тогда придётся разбирать последствия отдельно. Не здесь одной фразой.

Чернова взяла лист назначений.

— На ближайшие дни вам нужен лечебно-диагностический режим без смены. Я оформлю это в нашей организации. Вопрос временного перевода и противопоказаний рассмотрит врачебная комиссия с профпатологом. Нужно получить описание условий вашей работы. Инга Николаевна передаст своё заключение в медицинскую часть, с вашего согласия. Не в отдел кадров.

— И сколько это будет длиться?

— Обследование — не один день. Первое решение по временному трудовому ограничению постараемся оформить до вашей следующей смены. Срок пересмотра укажем. Это не бессрочный запрет.

Антонина попросила лист. Прочитала начало, вернулась на строку выше.

— Здесь я согласна. Анализы и повторный приём. А про работу мне отдельно объясните. Не всё сразу.

Инга придвинула к ней чистую бумагу.

***

Софья приехала в клинику после обеда. Прежде чем сесть, поставила телефон без звука и достала из сумки короткое письмо.

Кадровая служба ответила Антонине: обращение получено, проект соглашения остаётся неподписанным, дальнейшее обсуждение предлагается вести с ней. Ни извинений, ни объяснения разговора с Михаилом в письме не было.

— Теперь они ждут, что врач напишет? — спросила Антонина.

— Возможно. Но это будет другой документ и другое основание. Ваше несогласие с соглашением никуда не делось.

Они заняли маленькую комнату для бесед. На столе стоял выключенный чайник, а в углу лежали новые рулоны бумаги для кушеток. Михаил ушёл за едой; Антонина сказала, что до его возвращения хочет закончить про работу.

Инга связалась с врачом, который организовывал комиссионное рассмотрение. Оказалось, справки о должности недостаточно: требовались перечень вредных факторов, описание операций, выписка из последнего заключения периодического осмотра. Часть медицинских документов ещё не пришла. Врач согласился принять имеющиеся материалы и уточнить недостающее отдельным запросом.

Неврологическое обследование и временная нетрудоспособность на ближайшие дни оформлялись в клинике. Это закрывало промежуток до рассмотрения трудовых ограничений, но не давало готового ответа, где Антонина будет работать дальше.

— Я могу сама позвонить в кадры, — сказала она.

Софья повернула к ней телефон с открытым письмом.

— Номер здесь. Сначала решим, что именно вы просите.

Список оказался коротким: получить письменное описание работы для медицинской организации; уточнить порядок передачи заключения; узнать, есть ли временные места без противопоказанных факторов и операций. До появления медицинского заключения кадровик могла ответить только предварительно.

Антонина набрала номер. Представилась, назвала вчерашнее обращение. На словах «врачебная комиссия» запнулась.

— Нет, я не увольняться звоню, — сказала она громче. — Я это вам уже написала.

Инга потянулась за ручкой. Софья слегка повернула к Антонине лист со списком, и та продолжила сама.

Разговор занял восемь минут. Кадровик обещала отправить описание работы в течение следующего дня. О вакансиях сказала, что нужно видеть ограничения. Антонина записала фамилию и срок, затем спросила:

— А платить за это время кто будет?

Инга посмотрела на свой лист. В нём были врачи, анализы, документы и даты. До денег они опять не дошли.

Антонина выслушала ответ, сказала: «Я не про окончательный расчёт», — и включила громкую связь после согласия собеседницы.

Софья уточнила, какие выплаты кадровик имеет в виду. Выяснилось, та говорила о сумме из прежнего проекта соглашения.

— Этот проект сейчас не обсуждается, — сказала Софья. — Вопрос о временной нетрудоспособности, а затем, если будет медицинское заключение, о переводе и его условиях. Это разные расчёты.

После звонка Антонина долго разглаживала ладонью лист.

— Я два отгула взяла. Миша тоже. Обследование платное. Если теперь месяц сидеть, мне надо знать не только дату приёма.

— Да, — сказала Инга. — Я должна была спросить раньше.

— Вы все говорите: сначала здоровье. Оно и раньше было сначала. Только квартплата всё равно приходила.

Софья объяснила, что на дни временной нетрудоспособности действует один порядок оплаты. Если затем предложат временный перевод, понадобятся письменные условия: срок, обязанности, оплата. Возможность сохранения прежнего заработка и положенные гарантии надо проверять по конкретному основанию и сроку перевода; обещать все привычные доплаты сейчас было нельзя.

— А если места нет?

— Работодатель должен письменно это определить, а не просто сказать вам по телефону «сидите дома». Но отсутствие подходящей работы может повлиять на доход. Я не буду обещать, что вы ничего не потеряете.

— Вот это напишите тоже. Чтобы потом не выяснилось.

Софья написала рядом с задачей по вакансиям: «Отдельный расчёт оплаты и основание». Ниже — кто должен его предоставить и к какому дню они ждут ответ.

К вечеру в клинику поступила первая часть затребованных сведений. Инга просмотрела описание факторов: сероуглерод был указан. Операции перечислялись крупно, по должности; из нескольких строк невозможно было понять, сколько раз за смену Антонина выполняет ручные действия и как менялась работа за годы. Для первоначального ограничения этого не требовалось достраивать по догадке. Для оценки профессиональной причины — требовалось узнать гораздо больше.

На следующий день Антонина вернулась к назначенному времени. Комиссионное рассмотрение прошло в той же медицинской организации, с её участием и с доступными доку-

ментами. Ингу попросили пояснить только профессиональную часть: что известно из рассказа работницы, что подтверждено присланными сведениями, чего пока нет.

В заключении указали необходимость временного перевода на работу без контакта с нейротоксическими веществами и без перечисленных опасных операций. Срок ограничили месяцем, с повторной оценкой по результатам обследования. Отдельно осталось направление на дальнейшее уточнение состояния. Окончательного профессионального диагноза в документе не было.

Антонина прочла заключение дважды.

— Здесь нет этих заданий, которые я неправильно сделала?

— Работодателю они не нужны, — сказала Инга. — Полное описание осмотра остаётся в медицинских документах.

Для передачи работодателю подготовили необходимое заключение, не весь клинический пакет. Антонина согласовала отправку через предусмотренный клиникой порядок и получила свой экземпляр. Софье разрешила знакомиться с трудовыми ограничениями для работы по переводу; результаты неврологических проб ей не передавали.

Когда сотрудница клиники уточняла номер телефона, Антонина назвала свой. Михаил сидел у двери и не поправил её.

***

В совместном разговоре он сначала молчал. Разрешённый объём Антонина определила перед его приглашением: что обнаружены нарушения, что причина выясняется, какие обследования назначены и почему она пока не возвращается к прежним заданиям.

Листы с результатами проб остались в закрытой папке.

— То есть это всё-таки не усталость, — сказал Михаил.

— Усталость и сон могут влиять на выполнение задач, — ответила Инга. — Но свести всё к ним по имеющимся данным нельзя. Есть основания для дальнейшего обследования и временного ограничения работы.

Он повернулся к жене.

— Я же говорил, Тоня. Я не просто так.

Антонина смотрела на заключение.

— Ты говорил, мне с работы надо уходить.

— Потому что видел, как ты приходишь.

— Теперь есть бумага, чего нельзя. Про уход здесь нет.

Михаил хотел взять лист, но она придержала его двумя пальцами. Тогда он придвинул стул ближе, чтобы прочитать с её стороны.

— Хорошо. Значит, надо всё упорядочить. Я буду записывать её к врачам, результаты пусть мне дублируют. Она номер перепутает — и опять ехать зря. Поездки, деньги на обследования тоже через меня, чтобы видеть, сколько осталось.

Инга подождала, даст ли Антонина ему закончить или ответит сразу. Та продолжала смотреть в бумагу, и пауза стала похожа на согласие.

— Антонина Глебовна, какую помощь с поездками вы сейчас хотите? — спросила Инга.

— На обследование нервов вместе поедем. Я не знаю, где это.

Михаил кивнул.

— И на кровь отвезу.

— Там рядом. Я дойду.

— Натощак, с утра. Зачем тебе…

— Миша.

Он замолчал, но уже через несколько секунд спросил Ингу:

— А если пропустит? Вы же сами сейчас написали, что внимание нарушено.

— Мы можем сделать напоминание на её телефон. Можно договориться, что вечером вы вместе проверяете время. Это не требует пересылать вам все результаты.

— Телефон тоже может не открыть.

— Может, — сказала Антонина. — Тогда спросишь, открыла ли.

Михаил провёл ладонью по волосам. Инга заметила у него на запястье свежую царапину, аккуратно заклеенную узкой полоской пластыря. Вчера он рассказал, что перед отъездом сам закончил ремонт в подвале, чтобы не оставлять людей без воды. Теперь сидел перед ними с таким видом, будто и здесь требовалось найти кран, который можно перекрыть.

— Мне ведь потом искать, — сказал он тихо. — Не вам.

Антонина подняла глаза.

— Тогда я сама тебе позвонила.

— А если бы не позвонила?

Ответа на это у неё не было. Инга тоже не стала обещать, что эпизод не повторится. Они обсудили ближайшие поездки: незнакомые места пока вместе, адреса и номера — у Антонины на бумаге и в телефоне, при затруднении — звонок, а не попытка дойти любой ценой. На внезапное резкое ухудшение должен быть другой порядок, не ожидание очередной консультации.

Михаил записал это в свою тетрадь. На медицинскую переписку общего разрешения не получил.

— Про расходы отдельно поговорим, — сказала Антонина. — Не сейчас за всё сразу.

Он сжал губы, но не стал спорить. Её банковской карты на столе не появилось.

В конце Инга разложила записи следующих посещений по датам. Ей хотелось сразу свести всё в один маршрут: этот анализ утром, затем звонок, потом поездка. Она уже знала, как сделать короче.

— Дайте я сама, — сказала Антонина.

Инга убрала руку.

Антонина взяла чистый лист и провела вертикальную черту. Слева написала даты, справа — адреса и что взять. В одном месте остановилась.

— Это повторный приём после анализов?

— Да.

— Тогда не в этот день. Здесь ещё результата не будет. Вы сказали, несколько дней.

Инга проверила сроки.

— Верно. Перенесём.

Михаил достал телефон, но Антонина сама набрала регистратуру. Новый день пришлось повторить дважды: в первый раз сотрудница говорила слишком быстро. Антонина попросила медленнее, записала, прочла вслух для проверки.

Пока она складывала документы, пришло сообщение из кадровой службы. Медицинское заключение получили. Перечень возможных временных мест обещали подготовить после согласования с ответственными за условия труда. Начальнику смены должны были передать, что к прежним заданиям после окончания больничного её не направляют.

Антонина прочитала сообщение и положила телефон рядом со списком.

— В субботу у меня день, — сказала она. — Дневная.

— По прежнему графику, — уточнила Инга.

— Да.

Никто не стал напоминать ей, что график теперь изменится. Она поняла это ещё до сообщения.

Михаил поднялся за куртками. Антонина осталась сидеть, свела края двух листов и сложила их пополам. На одном были время и место следующего приёма. На другом — работа, которую ей пока нельзя было делать.

— Когда скажут про места, я вам сама перешлю, — сказала она Софье.

Потом убрала оба листа в свою сумку.

Глава 3. Нитка на ладони

У магазина напротив остановки выгружали хлеб. Водитель держал дверь кузова плечом, продавщица принимала лотки, а двое мужчин в одинаковых серых куртках ждали, пока освободится узкий проход. Один нёс пакет с рабочими брюками; из пакета торчал пришитый заново светоотражающий край.

Антонина встретила Ингу у расписания. Сумка висела у неё через плечо, в руке был сложенный лист с адресом.

— Вам сначала заселиться?

— Вещи оставила. До Зои далеко?

— Отсюда минут десять. Если через двор, меньше, но там ступеньки разбиты. Пойдём по улице.

Она не спросила, устала ли Инга с дороги, и не стала рассказывать о городе. Указала на автобус, выезжавший из-за магазина:

— Это заводской. После дневной сюда привозит, потом дальше, до больницы. А раньше здесь все выходили.

На боковом стекле автобуса белела табличка «Вязовское волокно». За стеклом женщина поправляла волосы, прижимая к коленям свёрнутую куртку. Мужчина с пакетом брюк поднял руку водителю, но тот показал вперёд: посадка была у следующего столба.

— Здесь вы вышли в тот день? — спросила Инга.

— Да. Только с другой стороны. — Антонина повернулась к дороге. — Домой теперь прямо едут. А раньше пересаживались на шестой, у него круг был через наш посёлок.

Через дорогу стоял низкий павильон с заклеенной изнутри витриной. Рядом сохранился столб, на котором светлым прямоугольником проступало место снятого расписания.

— Когда перестали пересаживаться?

— Лет пять назад. Может, шесть. Я посмотрю, когда дорогу открыли.

— Не обязательно сейчас. А где вы позвонили мужу?

Антонина показала на скамью возле павильона.

— Там сидела. Он спрашивал, куда я собиралась. А я не знала, что ответить. Не собиралась я никуда. Вышла — и всё.

Машина проехала по луже, оставив на краю тротуара широкую мокрую полосу. Инга отступила и достала блокнот.

— Можем перейти, если вам удобно. Я отмечу, откуда…

— Я место помню.

Антонина сказала это резко. Потом ещё раз, тише:

— Не надо меня проводить. Вот здесь остановка была. Вот там сидела. Я не забыла весь город.

Инга закрыла блокнот.

— Хорошо. Переходить не будем.

Ей хотелось уточнить, видела ли Антонина номер автобуса, кто выходил перед ней, успела ли она понять ошибку сразу. Но эти вопросы уже задавали в кабинете. Старый маршрут объяснял, почему остановка была знакома; он не сообщал, что происходило в ту минуту у неё в голове.

Они пошли вдоль магазина. Из двери мастерской вышла девушка с охапкой спецодежды, перетянутой ремнём.

— Тонь Глебовна, у вас рукав готов! — крикнула она.

— Завтра заберу.

— Я внутрь карман тоже прихватила. А то опять оторвёте.

— Не я его отрываю. Он сам увольняется.

Девушка засмеялась и вернулась в мастерскую. Антонина несколько шагов шла молча.

— Куртка моя, — сказала она. — Старую рабочую домой списали. В огороде ношу.

Инга не спрашивала, но поняла, почему Антонина объяснила: даже разговор о пришитом рукаве теперь мог показаться сведением о том, что она собирается нарушить ограничение.

На следующем углу Антонина сверилась со своим листом, хотя нужный дом уже был виден.

— Зоя до двух. Потом у неё свои дела. Она сразу предупредила.

***

Комната находилась в пристройке к библиотеке. Здесь проводили занятия для взрослых, собирали вещи для ремонта и хранили то, чему не нашлось места после переезда старого учебного кабинета. Под окнами стояли швейные машины в чехлах; на шкафу лежал рулон плотной бумаги, а возле раковины сохли две чашки.

Зоя Климова открыла им дверь с ключами в руке.

— Разувайтесь не надо. Я только подмела, не успела помыть. Тоня, стул у батареи не бери, ножка гуляет.

Она была широколицая, коротко стриженная, с неглубокой складкой между бровями. Поздоровавшись с Ингой, сразу уточнила:

— Вы от завода?

— Нет. По обращению Антонины Глебовны. Завтра у нас предварительная встреча на предприятии.

— Значит, сегодня без начальства.

— Сегодня без него, — сказала Антонина.

Зоя достала из шкафа плоскую коробку. Внутри лежали карточки с прикреплёнными пучками волокна, несколько катушек и дощечки с натянутыми нитями.

— Это чистое, учебное, — объяснила она. — Не из цеха набрали. Нам для занятий готовили. Остальное при переезде оставили на предприятии, там разбирались, что можно хранить.

Антонина сняла пальто и повесила его на спинку стула. Взяла одну карточку, провела пальцем по краю.

— Эту помню. Тут подпись неправильная была.

— Исправили.

— Через сколько лет?

— Через два. Документы у нас быстрее работников учатся. Им переаттестация — один ластик.

Инга села у свободного конца стола. Здесь не было ни движущихся частей, ни открытых ёмкостей, ни темпа, которому требовалось подчиниться. Антонина сама выбрала пучок светлой нити и положила его на тёмную бумагу.

— Вот так лучше видно. На белом вы края потеряете.

Она говорила уже иначе, чем в клинике: не подбирала ответ, которого от неё ждали, а знала, с чего начать.

— Можно? — Инга протянула руку к нити.

— Берите. Только не за самый кончик. Он распушён, вы сейчас не нить возьмёте, а несколько волокон.

Инга перехватила выше.

— Теперь?

— Теперь поддержите снизу. Не зажимайте так.

Антонина показала на своей ладони, как уложить нить. Движение было небольшим и точным по замыслу; пальцы не сразу отпустили тонкий конец, он прилип к коже, и она осторожно сняла его другой рукой.

— А вы говорили, мелкое хуже чувствовать, — заметила Зоя.

— Хуже. Но я вижу, что она делает.

— Я не спорю.

Инга ослабила захват. Антонина кивнула.

— На занятии я бы ещё попросила повторить. Только не сразу десять раз, а один раз, чтобы самой понять.

— Вам сейчас удобно показывать? — спросила Инга.

— Удобно. Здесь никто следующую работу в руки не суёт.

Она потянулась за другой карточкой, остановилась, посмотрела на обе и выбрала прежнюю. Инга заметила задержку, но не стала следить за каждым движением. После клиники это давалось не сразу: наблюдение легко становилось непрерывной проверкой, даже если врач молчал.

Зоя положила на стол узкую дощечку. На ней под прозрачной крышкой был закреплён узел из гладкой светлой нити. Сбоку крупно стояло: «Сменный».

— А это у нас местное, — сказала она. — Не ищите в учебнике.

Узел был плоский, с вытянутой боковой петлёй. Короткий конец проходил под сдвоенной перемычкой, длинный выходил в противоположную сторону и лежал вдоль края дощечки.

— В работе применяли? — спросила Инга.

— Не на бегущей нити. Для этого свои соединения. Такой на образце оставляли при передаче. В нашем старом отделении так повелось: образец подготовлен, до этого места предыдущая смена работу закончила. Человек приходит, видит, потом запись смотрит.

— Вместо подписи?

— Да что вы. Подпись отдельно. Узел не расскажет, кому что передали. Он только рукой узнаётся, не спутаешь с обычной перевязкой.

Антонина наклонилась над дощечкой.

— У тебя петля широкая.

— Учебный же. Чтобы видно было.

— Мы уже делали.

— Вы на всём экономили, даже на петле.

Зоя сняла крышку, но старую нить не тронула. Достала другую, потолще, и медленно повторила форму. Сначала уложила боковую петлю, затем провела короткий конец под двумя параллельными отрезками. Антонина смотрела.

— Не затягивай пока, — сказала она. — Если сначала здесь стянуть, потом перемычку не поправишь.

Зоя ослабила пальцы.

— Вот. А мне говоришь — петля широкая.

Она положила новый узел рядом с дощечкой. Оба лежали неподвижно. У старого нить потемнела на местах крепления, новая была белее и чуть блестела у окна.

— Старухи ещё говорили: нитка руки помнит дольше, чем человек, — сказала Зоя. — У нас одна ушла, через год вернулась на занятия помогать. Фамилии новые не запомнила, а этот с закрытыми глазами вязала.

— То есть про навык?

— Про привычку. Руки идут, пока голова другим занята. Только в смене на этом далеко не уедешь.

Антонина взяла свободный отрезок. Начала укладывать петлю, но не стала заканчивать. Оставила нить на бумаге.

— Я вам не доказываю, что мне завтра можно обратно, — сказала она Инге.

— Я поняла.

— Просто я не только там у врача сидела и ошибалась.

Инга посмотрела на нить, которую всё ещё держала сама.

— Вы мне сейчас объяснили то, чего я не умела. Это тоже часть того, что я должна знать о вас.

Антонина разгладила бумагу ладонью. Зоя закрыла старый образец и убрала его не в коробку, а на открытую полку.

— Руслан раньше ещё мельче делал, — сказала она. — У него пальцы были как пинцет. Теперь ругается на эти наши занятия: говорит, покажите лучше, как пуговицу застегнуть.

Антонина подняла голову.

— Он приходил?

— Осенью. На машине привезли. Здесь до двери ещё нормально, а дальше порожек, мы его всё никак не уберём.

— Кто это? — спросила Инга.

— Белов Руслан. С нами работал, — ответила Антонина. — Четыре года как ушёл. Ходить трудно ему.

Зоя открыла рот, собираясь добавить, но Инга спросила:

— Он сам хотел бы поговорить с врачом?

— Не знаю. Смотря о чём.

— О своём состоянии и прежней работе. Если захочет. Не надо сейчас рассказывать за него медицинскую историю.

Зоя посмотрела на часы.

— Позвоню, спрошу. Только не буду говорить, что вы уже едете. Он этого не любит.

Она вышла в коридор. Антонина собрала оставшиеся отрезки в коробку, отделяя учебные карточки от свободных нитей. Инга помогла ей закрыть крышку.

Через несколько минут Зоя вернулась.

— После трёх согласен. Адрес сам пришлёт. Сказал, чай пить не обязательно.

— Это он заранее освобождается от обязанностей хозяина, — сказала Антонина.

— Правильно делает. Тоня, ты со мной до магазина или здесь останешься?

Антонина посмотрела на Ингу.

— Мне надо ещё сообщение отправить, — сказала Инга. — Встретимся позже, если Руслан согласен на ваше присутствие.

— Спросим, — ответила Антонина.

Зоя убрала ключ от шкафа в карман. Встреча закончилась вовремя; никто не предложил ей отменить собственные дела ради внезапно расширившегося врачебного дня.

***

Руслан открыл дверь не сразу.

Из квартиры донеслось короткое «иду», потом стук наконечника трости. Инга отступила от порога, оставляя место для открывания. В прихожей горел свет, хотя день ещё не кончился.

— Белов, — сказал мужчина, будто представлялся на приёме. — Проходите. Обувь можно здесь, скамья крепкая.

Он был плотный, с тяжёлой нижней челюстью и короткой седой бородой. Одну руку держал на трости, другой упирался в дверной косяк. Чтобы развернуться, сделал несколько отдельных шагов; стопы ставил широко, следил за полом.

Антонина потянулась к двери.

— Я закрою.

— Закрой. Только верхний не поворачивай.

Вдоль стены прихожей не было ничего лишнего. Провод от роутера убрали в короб над плинтусом; у скамьи стояла длинная ложка для обуви. На кухне чашки висели низко, на крючках под полкой. Вещи были расположены не для гостей.

Инга кивнула на кухонный стол, но Руслан пошёл в комнату.

— Здесь. На кухне стул ездит.

У кресла стоял небольшой столик с водой, телефоном и зарядным устройством. Руслан сел, поставил трость в зажим на подлокотнике и передвинул к себе коробку с документами. Антонина сделала шаг, чтобы помочь.

— Достану, — сказал он.

Она остановилась.

— Я только…

— Вижу. Достану.

Он снял крышку, положил на пол. Инга выбрала стул напротив, не двигая столик.

— Мы договорились сначала поговорить, — сказала она. — Это не заменит неврологического обследования. Сегодня я могу помочь собрать историю и определить, какие документы нужны.

— И что потом?

— Обсудим, где обследоваться. Отдельно — есть ли основания проверять связь с работой.

— Сразу скажу: я по собраниям ходить не буду.

— Для медицинской помощи это не требуется.

Руслан посмотрел на Антонину.

— Ты останешься?

— Как скажешь.

— Пока про работу — останься. Потом я сам.

Инга положила блокнот на колени.

— С какой работы начали?

Руслан назвал прежнее название предприятия, год, цех. Антонина поправлять не стала. Он достал трудовую книжку, нашёл запись, провёл под ней ногтем.

— Вот. В цеху потом называли по-другому, а у меня долго одна запись шла. Аппаратчик.

— Что делали в начале?

— Сначала при старшем. Подготовка, наблюдение, потом сам. Вам весь процесс рассказывать?

— Ваши действия. Где находились, к чему подходили, что делали руками. Не обязательно всё за один раз.

Он начал с обычного хода смены. Названия узлов Инга записывала так, как он произносил, рядом оставляла место для уточнения по документам. Руслан различал работу у пульта, обходы и обслуживание. На вопрос, сколько времени занимала каждая часть, пожал плечами.

— Когда как. Если шло, то одно. Если несколько раз возвращался — другое. Я вам сейчас по часам навру.

— По часам не нужно.

— В бумагах, наверное, есть.

— Посмотрим, что именно там есть.

Антонина сидела на диване, держа сумку на коленях. Когда Руслан замолчал, она спросила:

— Ты про старое отделение говоришь? До перехода?

— Да.

— Тогда тот пульт ещё сбоку был.

— Верно. Я уже новый представил.

Инга отметила поправку и её источник.

— В какой период это было?

Они привязали его к замене части оборудования и к отпуску Руслана, после которого он вернулся на другое рабочее место. Год он назвал неуверенно. В трудовой книжке такой перемены не оказалось.

— А когда стали чувствовать, что хуже справляетесь? — спросила Инга.

Руслан посмотрел на свои ладони.

— Задолго до ухода. Пальцы сначала. Вроде держишь, а чувствуешь плохо. Ноги вечером — как подошву ещё одну приклеили. Потом спотыкаться стал.

— Примерно за сколько лет до ухода?

— Лет за пять. Может, раньше началось, но я не считал.

— Ошибки в работе тогда же?

— Позже заметил. Проверишь и опять идёшь проверять. Или номер прочёл, отвернулся — уже надо обратно смотреть. Не каждый день. Оттого и думал: устал.

Антонина опустила взгляд. Инга не стала просить её подтвердить рассказ.

— Вы сами это помните или вам потом говорили?

— Про номера сам. А что я злой стал — потом говорили. Тогда считал, что меня просто достали.

Он усмехнулся, но улыбка быстро исчезла.

— Уход ваш с этим был связан?

— Связан. Не потянул уже. Только в документах не написано, что от работы. Да никто и не установил.

Антонина спросила, можно ли ей идти. Руслан кивнул.

— Позвони потом, как доберёшься.

— Позвоню.

Она попрощалась с Ингой и вышла. До двери Руслан не поднялся: подождал, пока щёлкнет замок, затем снял с верхней стопки несколько медицинских листов.

— Вот это уже без свидетелей.

Инга придвинула стул так, чтобы он мог передавать бумаги, не наклоняясь.

Выписки относились к разным годам. В одной упоминалась боль в спине, в другой — нарушения чувствительности и рекомендованное обследование. Часть назначений Руслан выполнил, часть нет. Несколько результатов он помнил, но самих листов в коробке не оказалось.

— Говорили, сосуды. Потом спина. Потом ещё что-то с нервами. Я уже не помню, кто что объяснял. Вы там сами прочитайте, где написано.

— Прочту. Но ваши слова тоже нужны. После ухода стало легче?

— Уставать меньше стал. Злиться тоже. Ноги обратно не пришли.

— Хуже за последние месяцы?

— Не резко. Если заболел или не спал, хуже хожу. Бывает, к вечеру по стенке. Утром могу до магазина, если сухо.

Инга уточнила падения, слабость, боль, перенесённые болезни, питание, лекарства. Спросила о сахаре крови, обследовании щитовидной железы, травмах и работе после предприятия.

На вопрос об алкоголе Руслан скривился.

— Сейчас начнётся.

— Что?

— Что всё от него.

— Мне нужно знать количество и время. Так же, как лекарства и другие работы. Ответ не станет готовым объяснением.

Он ответил после паузы, подробнее, чем на остальные вопросы. Инга записала без комментария и вернулась к датам. Резкого ухудшения, которое требовало бы немедленного вызова

помощи, из сегодняшнего разговора не следовало, но прежние рекомендации явно не составляли завершённого обследования. Нужно было увидеть исходные результаты, а не только короткие названия в выписках.

— Меня к вам Антонина направила? — спросил Руслан.

— Ваше имя возникло в разговоре у Зои. Я попросила сначала узнать, хотите ли вы встретиться.

— А ей что сказали?

— Мы говорили о вас только в пределах того, что вы согласовали сегодня. Её медицинские сведения я не обсуждаю.

— Я не про сведения. — Он передвинул коробку на край столика. — Вы ведь хотите понять, одинаковое у нас или нет.

— В том числе. Но сходные жалобы могут иметь разные причины. И даже если производственный фактор общий, ваша история всё равно отдельная.

Он некоторое время смотрел на верхнюю выписку.

— Мне бы не хотелось опять всё пройти и получить: бывает с возрастом.

— Я не могу обещать определённый вывод. Могу сказать, какие вопросы ещё не проверены и что нужно для их проверки.

— Тогда говорите.

***

К половине пятого на столике лежали три небольшие стопки. Руслан сам разделил документы: это можно скопировать сейчас, это пока оставить у него, а вот этих результатов надо запросить заново.

— Здесь поликлиника ещё по старому адресу, — сказал он. — Её перевели. Но организация та же вроде.

Инга записала адрес для проверки. Они согласовали запрос конкретных медицинских документов и отдельно — сведений о трудовом пути. Руслан спросил, кто увидит его рассказ.

— Медицинская часть — специалисты, которые будут заниматься обследованием, в согласованном объёме. Для производственной проверки могут понадобиться ваши сведения об операциях. Прежде чем передавать рассказ дальше, определим получателя и состав.

— Фамилия нужна?

— Для подтверждения именно вашего маршрута — да. Для общего описания условий не всегда.

— А в газету?

— Нет.

— И фотографировать меня с тростью не надо. Потом подпишут: «Не смог прийти за правдой».

Инга подняла глаза от листа.

— Не будем.

Он взял ручку, прочёл согласие, вернулся к абзацу о документах. Подписывал медленно, удерживая бумагу основанием ладони. Инга не отводила взгляд нарочито и не следила за почерком как за ещё одной пробой.

— По поездке, — сказал Руслан. — Мне первый этаж нужен. Или лифт, который работает. Не тот, который по телефону есть.

— Уточним до записи.

— И не с утра пораньше. Я долго собираюсь.

Они выбрали способ связи и ближайший шаг: сначала получить недостающие выписки, затем согласовать очную консультацию с неврологом. Если сроки затянутся, помощь не должна была ждать полной производственной истории. Руслан отдельно записал, что ему нужно подготовить к звонку.

Перед уходом Инга вернулась к году увольнения.

— Получается, вы ушли примерно четыре года назад. А изменения оборудования, о которых сейчас говорят, начались ещё при вас?

— Начались. Только не везде сразу. На второй линии много сделали. Я к концу уже видел. А основная моя работа до этого была.

— На новой части работали?

— Это надо по периодам. Не пишите, что совсем не был. Был. Но и что всё время там — тоже не пишите.

— Пока оставлю вопрос.

Руслан кивнул, удовлетворённый не ответом, а пустым местом, которое ему позволили сохранить.

На выходе он всё же поднялся. Инга хотела сказать, что провожать не нужно, но он уже шёл к прихожей.

— Мне не вас проводить. Таблетки там забыл.

Она уступила дорогу.

В гостинице Инга разложила рабочие записи на узком столе. Окно выходило на стоянку автобусов; водитель в расстёгнутой куртке протирал изнутри лобовое стекло, вытягиваясь через приборную панель.

В деле Антонины оставались двадцать девять лет, обозначенные несколькими крупными записями. В деле Руслана — другие даты, другие жалобы, незаконченные обследования. Общими пока были предприятие, часть названных операций и вопросы к условиям прежних лет. Этого хватало, чтобы продолжать проверку, но не чтобы складывать их болезни в одну.

На телефон пришло подтверждение завтрашней встречи. Приёмная директора «Вязовского волокна» предлагала начать с модернизированной линии.

Инга подтвердила время. Затем раскрыла лист Руслана на месте, где он поправил собственное воспоминание о пульте. Одно название должности покрывало оба расположения, старое оборудование, переходы и годы, которых она ещё не могла разделить.

Она провела на чистом листе две вертикальные линии: период, место, действия. Первую строку заполнила по трудовой книжке. Во второй, там, где начиналась работа, не отмеченная отдельным переводом, оставила место для уточнения.

Глава 4. Хорошая линия

Елена Борисовна Острецова убрала со стола вазу с конфетами, чтобы развернуть план. Под вазой лежал лист с перечнем незакрытых работ; она переложила его к телефону, не переворачивая.

— Вот здесь закончили шесть лет назад. Этот участок — следующим летом. Последний этап приняли четыре года назад, но обслуживание потом ещё меняли.

Она провела пальцем по цветным границам. На плане модернизация выглядела не одной новой линией, а несколькими вставками разного возраста.

Павел сидел рядом с Ингой, оставив дорожную куртку на спинке стула. Приехал он утром. На проходной долго искали его фамилию в списке посетителей: она оказалась в перечне ввозимого оборудования, между двумя номерами приборов.

— Там меня хоть с поверкой записали? — спросил он, когда наконец получил пропуск.

Теперь он раскрыл папку и положил перед директором перечень предполагаемых работ.

— Сегодня мы увидим только второй участок? — спросил он.

— В работе — его. На старом другая загрузка. Сначала посмотрите то, что у нас есть сейчас, а не то, что люди помнят.

Острецова говорила быстро, но не торопила собеседников. Пока Инга читала даты, директор успела ответить на звонок, уточнить номер заказа и попросить не подписывать замену материала до согласования с технологом.

— Я не стану утверждать, что здесь всегда было хорошо, — сказала она, положив трубку. — Сама начинала в старом отделении. После смены одежду дома отдельно держали. Но сегодняшняя площадка другая. На неё потрачены деньги, здесь работают другие системы. Мне хотелось бы, чтобы это тоже заметили.

— Для этого мы и пришли, — ответила Инга.

Директор взглянула на неё поверх плана.

— И сколько времени нужно, чтобы отделить нынешние условия от прежних? Неделя? Месяц? У нас уже спрашивают, не отравлены ли все, кто когда-либо здесь работал.

— У кого спрашивают?

— У мастеров. У кадров. У меня.

— Оценка условий не даст общего диагноза коллективу. Нам нужны операции, режимы и периоды работы. Медицинские обследования идут отдельно.

— По Седовой заключение получили. Кадры готовят варианты. Но что именно у неё…

— Для подбора работы передан необходимый объём ограничений. Дополнительные вопросы можно направить медицинской организации. Карту мы обсуждать не будем.

Острецова сцепила пальцы на краю плана.

— Мне не нужна её карта. Мне нужно понимать, что я должна изменить.

— Тогда начнём с того, что человек фактически делает на каждом рабочем месте. Не только с названия должности.

Павел подвинул перечень ближе к директору. Она остановилась на химических исследованиях.

— Это выполняете вы?

— Нет. Эта часть вне нашей действующей области. Нужна профильная аккредитованная лаборатория. С ней согласовано предварительное окно на сегодня, если оформим задание и допуск.

— То есть платить будем вам, а подпишет кто-то другой?

— За химическую часть подпишет тот, кто её выполнил. В смете и отчёте будет видно, кто за что отвечает. Мы ведём согласованные наблюдения и свои измерения. Химические протоколы не станут нашими от того, что я приложу их к общей папке.

Директор отодвинулась от стола.

— Тогда зачем мне посредник?

— Если вам нужен только анализ воздуха в нескольких точках — не нужен, — сказал Павел. — Но ваш вопрос шире. Кто здесь бывает, сколько времени, при каких действиях. И какие периоды вообще не попадают в сегодняшнее измерение.

Острецова ещё раз посмотрела перечень. Инга видела, как менялось выражение её лица: первоначальное сомнение осталось, но теперь директор читала не шапку с названием центра, а границы работ.

— У вас ведь идёт расширение?

— Внешняя оценка, — уточнил Павел. — Решения ещё нет. И даже если будет, все химические методы у нас от этого не появятся.

— Хорошо. Разделите стоимость и подписи. Хочу понимать, с кого спрашивать за каждую часть.

На короткое задание по текущему обследованию ушло ещё двадцать минут. Софья участвовала по связи: её поезд задерживался, к обеду она рассчитывала быть на предприятии. До начала отбора оформили объём, исполнителей, оплату и порядок передачи результатов. Историческая часть оставалась в проекте основного договора.

Когда они поднялись, Острецова свернула план.

— Только сразу договоримся: никаких выводов по запаху.

— И никаких выводов по его отсутствию, — сказала Инга.

Директор впервые улыбнулась.

— Это справедливо.

***

После инструктажа пришлось вернуться за очками другого размера. Первые оставляли у Инги зазор над скулой; работница, выдававшая защиту, заметила это раньше сопровождающего.

— Эти с вашими не сядут. Подождите.

Она перебрала два футляра, дождалась, пока Инга наденет подходящие, и только потом отметила выдачу. Павел молча поправил свои.

За дверью корпуса воздух стал теплее. Вытяжка звучала ровным низким гулом, поверх которого проходил более тонкий шум оборудования. Разговор не приходилось вести криком, но длинные объяснения здесь всё равно распадались. Сопровождающий показывал узлы, затем отводил их в сторону и повторял существенное.

Инга ожидала увидеть новое оборудование внутри старого корпуса. Так и было, но различие оказалось не в краске и не в экранах управления. Там, где на старых фотографиях работник должен был подойти вплотную, теперь оставался закрытый кожух; необходимые показания читались с прохода. Для обычного контроля не требовалось открывать рабочую зону. На дверце сервисного шкафа висела свежая отметка обслуживания, а рядом — карман с перечнем ещё не выполненных замечаний.

Павел остановился у этого кармана.

— Можно посмотреть?

Сопровождающий вытащил лист. Одно замечание касалось повреждённого уплотнения на шкафу, не связанном с технологической герметизацией, другое — неудобного доступа к креплению. Оба имели исполнителей и сроки.

— Это не убрали перед нами, — тихо сказала Инга.

— И хорошо, — ответил Павел.

Он не стал фотографировать каждый ровный шов. Сверил обозначение установки с планом, спросил о текущей нагрузке, затем — где сохраняются сообщения о сбоях вентиляции. На щите была зелёная индикация, но Павел попросил не демонстрацию лампы, а запись последней проверки и порядок действий при отказе.

Старший смены пришёл с другого конца прохода. Невысокий, плотно сложенный, с лицом человека, которого только что оторвали от подсчёта, он выслушал вопрос до конца.

— Константин Ракитин, — представился он. — Проверку дам. На смене мы её не разыгрываем. Если сигнал, действуем по карте, потом выясняем причину.

— Нам разыгрывать не нужно, — сказал Павел.

Ракитин принёс журнал и показал нужную запись. Затем объяснил обычную последовательность так, что Инга впервые перестала мысленно переставлять пункты услышанного. Он называл сначала действие человека, потом узел, потом условие, при котором действие прекращалось.

На соседнем месте молодая работница проверяла маркировку подготовленных паковок. Один ярлык оказался подвёрнут. Она потянулась к нему, но Ракитин сказал:

— Олеся, сначала место освободи. Не тянись через край.

Та поставила предмет на свободную часть стола, развернула ярлык и показала ему номер.

— Я вижу. Здесь окончание другое.

— Значит, отдельно. Не к готовым.

Она переложила паковку и вернулась к записи. Ракитин не проверял каждую её отметку, но, уходя, посмотрел, куда лёг спорный предмет.

— Давно работает? — спросила Инга, когда они отошли.

— Олеся Тихонова? Осваивается. Уже хорошо идёт.

— А кто меняет её на перерыв?

Он назвал фамилию и пояснил, на каких операциях нужна замена, а какие можно закончить и оставить до возвращения. На вопрос о числе людей в смене ответил сразу, без обращения к сопровождающему.

У одного из закрытых узлов Павел задержался дольше.

— Когда здесь требуется вмешательство с открытием?

— На штатном ходе не требуется, — сказал Ракитин. — Для обслуживания выводим по порядку.

— Сегодня такое будет?

— Здесь — нет.

— А вне планового обслуживания?

Ракитин посмотрел на оборудование, словно вопрос относился к конкретному звуку, которого сейчас не было.

— По состоянию. Заранее на каждый раз не назначишь.

— Понимаю. Где записывают само вмешательство и кто его выполнял?

— В сменном и у ремонта. Что именно было.

Ответ оставлял ещё несколько вопросов, но задавать их подряд у работающего узла не имело смысла. Павел отметил номер, Инга — слова «по состоянию». Это пока означало только, что обычный ход линии не исчерпывал всех действий людей рядом с ней.

Острецова ждала у выхода из участка. Она прошла с ними начало маршрута, потом отошла к технологу и не пыталась отвечать вместо Ракитина.

— Ну? — спросила она.

Павел убрал блокнот в карман.

— По увиденному обычные действия требуют меньше открытого контакта с процессом. Контроль доступен снаружи. Это существенные изменения.

— Без «но»?

— Это отдельное предложение, — сказал он. — Его не надо отменять следующим.

Инга посмотрела через стекло на Олесю. Та поставила спорную паковку в выделенное место и позвала другого работника сверить номер. Ей не пришлось снимать ограждение или тянуться к движущейся части.

У Руслана дома вещи тоже стояли так, чтобы он мог до них достать. Инга поймала себя на этом сопоставлении и оставила его при себе. Новое удобное рабочее место не возвращало ему прежнюю походку, но от этого не становилось показным.

— Химические результаты будут после лаборатории, — сказал Павел. — А устройство участка мы описываем уже сейчас.

Острецова кивнула. Ей явно хотелось услышать больше, однако спорить с признанием сделанного она не стала.

***

Машина лаборатории приехала к концу утреннего обхода. Из неё вынесли жёсткие ящики и небольшую сумку с документами. Специалистка, отвечавшая за отбор, сначала попросила согласованное задание и сведения о режиме; план точек посмотрела только после них.

— Это обычная загрузка? — спросила она.

Технолог назвал текущий объём и показал сменное задание.

— Для нас ничего не снижали?

— Нет. Вот план на неделю, он утверждён раньше.

Она сверила даты. Инга стояла рядом и слышала, как вопрос, который в кабинете мог бы прозвучать обвинением, здесь стал обычной частью подготовки.

Павел показал выбранные места, лабораторный специалист уточнила программу и обозначила, что можно выполнить в сегодняшнее окно. Где требовалось наблюдение в зоне дыхания работника, крепление согласовывали с ним самим, проверяя, не мешает ли оно обычным действиям. Олеся попросила перенести зажим, цеплявшийся за край одежды.

— Сюда можно?

Специалистка посмотрела, поправила размещение.

— Так не будет мешать. Только сами потом ниже не переставляйте. Если заденет — позовите.

Павел записал начало наблюдения и обозначение рабочего места. Рядом с временем отбора появились не фамилии пациентов, а режим, загрузка и выполняемые действия. Инга следила за переходами работников. Один человек дважды уходил с участка за материалом; во второй раз Павел уточнил, было ли это обычным маршрутом или сегодняшней заменой. Оказалось — обычным. Обе отлучки остались в листе.

Пока шёл отбор, Ракитин принёс документы по обслуживанию. На обложке стояло общее название, внутри — несколько разных видов работ. Павел нашёл тот, о котором спрашивал у закрытого узла.

— В наблюдение сегодня не попадёт, — сказал он.

Сопровождающий предложил уточнить у механика, нельзя ли совместить с ближайшим обслуживанием.

— Не переносите его ради нас, — ответила специалистка лаборатории. — Сначала нужен отдельный согласованный план. И условия безопасного выполнения. Сегодня мы это не отбираем.

— Потом скажете, что не показали.

— Напишем, что в период наблюдения операция не выполнялась.

Инга видела, как Павел провёл черту в строке результата. Затем рядом написал полностью: «Не обследовано». Не ноль, не прочерк без пояснения.

Отбор продолжался, когда приехала Софья. Она оставила пальто в приёмной и принесла в маленькую переговорную проект договора, уже испещрённый пометками. В комнате пахло подогретой едой: до них здесь обедали, на подоконнике сохла крышка контейнера.

Острецова пришла с юристом предприятия.

— Я готова оплачивать обследование действующих мест, — сказала она. — Но у вас предмет разросся до истории производства. Это неопределённый срок и неопределённые расходы.

— Поэтому он разбит на этапы, — ответила Софья. — Сегодняшние работы уже оформлены отдельно. Здесь первый этап исторической части: перечень имеющихся документов и восстановление изменений оборудования и операций. Не все расходы сразу.

Юрист перевернул страницу.

— «Доступ к исторической документации». В таком виде подписать нельзя. Часть фонда у правопреемников, часть передавалась в архив. Мы не можем предоставить то, чего у нас нет.

— Уточним: к находящейся у предприятия и доступной ему на законном основании. По отсутствующей — сведения о передаче, если сохранились. Внешние запросы пойдут отдельно.

Острецова указала на другой абзац.

— Здесь сопоставление фактических действий с картами операций. Это для чего? У нас утверждённая документация.

— Чтобы понять, что именно описывают результаты, — сказала Инга. — Должность может оставаться прежней, оборудование и работа — меняться. Мы не можем заранее принять карту за полное описание всех лет.

— И заранее считать её ложной тоже не можете.

— Не можем.

Директор подержала ручку над полем, затем положила её.

— Меня беспокоит, что нынешнее предприятие будут судить по тому, чего мы уже не делаем.

— Нынешние улучшения войдут в отчёт, — сказала Инга. — Но если человек работал до них, вопрос о его прежних условиях останется. Это не оценка качества нового кожуха.

Острецова посмотрела в окно переговорной. Отсюда были видны корпус и чистая полоса асфальта возле въезда. Двое рабочих катили пустую тележку; один остановился подтянуть ремень на ящике.

— Мы не можем каждый раз начинать с того, что здесь было двадцать лет назад.

— Постоянно — нет. В обследовании человека с длительным стажем без этого нельзя.

Юрист предложил срок для замечаний предприятия и предварительное согласование окончательного отчёта. Софья повторила последнее выражение:

— Согласование окончательного отчёта — в каком объёме?

— Чтобы не было фактических ошибок.

— Тогда замечания к фактам, с источниками. Они сохраняются вместе с ответами исполнителей. Право менять выводы в договор не входит.

На этом задержались. Юрист хотел оставить слово «согласование», Софья — убрать. В конце нашли формулировку о проверке реквизитов, описания оборудования и представленных предприятием сведений. Оплата не зависела от того, понравится ли заказчику вывод.

Медицинские карты из предмета передачи исключили прямо. Индивидуальные сведения для запросов ограничили согласованным составом и правовым основанием; общий производственный отчёт не должен был превращаться в перечень чужих диагнозов.

— А если вы сочтёте работу опасной? — спросила Острецова. — Что произойдёт на следующий день?

— При непосредственной угрозе сообщаем сразу, не ждём отчёта, — ответила Инга. — Действуете вы в пределах обязанностей работодателя, дальше — предусмотренные процедуры

и компетентные органы. У центра нет полномочия собственным заключением закрыть предприятие.

— Но рекомендовать можете.

— Меры по установленному риску — да. С основанием, а не вместо него.

К вечеру лаборатория закончила доступную часть отбора. Инга и Павел вернулись к исполнителям, сверили листы условий. Проверка расхода после отбора, маркировка, контрольные образцы, передача в лабораторию — всё занимало время, в течение которого никаких новых чисел на столе не появлялось.

— Когда ждать? — спросила Острецова.

Специалистка назвала срок по заданию.

— После анализа и проверки результатов. Сегодня получите копию листа условий.

Директор прочла его стоя. В строке о неслучившемся обслуживании остановилась.

— И это оставляете?

— Оставляем, — сказал Павел. — И всё, что сегодня работало штатно, тоже.

***

В гостинице им отвели небольшую кухню в конце коридора. На стол помещались три тарелки, хлеб и ноутбук; для договора пришлось освободить подоконник. Софья ела гречку из глубокой миски, потому что третью плоскую тарелку не нашли.

— Не открывай пока, — сказала она Павлу, который тянулся к компьютеру.

— Мне только время отправки проверить.

— Ужин тоже имеет продолжительность.

Он взял вилку. Через минуту телефон сообщил о завтрашнем обслуживании прибора, оставшегося в Екатеринбурге.

— Этот хотя бы требует без намёков, — сказал Павел. — Дата, время, иначе работать не будет.

— У заказчиков тот же подход, — ответила Софья. — Только они потом ещё просят скидку.

Инга подвинула ему хлеб. После корпуса и переговорной здесь было слишком тихо; слышно было, как за стеной кто-то промывает чайник и долго стряхивает из него воду.

— Химическую часть не пытайся собрать за ночь сам, — сказала она.

— Не собираюсь. Они проверят и выдадут свои протоколы. Мне нужно довести наблюдения: кто что делал в интервалы отбора. И свои измерительные листы.

— Кто тебя проверит?

Он назвал сотрудника, с которым уже согласовал просмотр исходных записей.

— Завтра перешлю. Не к утру. После сверки.

Это «не к утру» было полезнее обещания всё успеть. На среду у центра оставалась внешняя оценка, и свободного человека на случай внезапной задачи в расписании не было.

Они разнесли работу. Павел оставлял за собой наблюдения, измерения в пределах своей компетенции и связь с лабораторией. Инга — два медицинских маршрута, сведения о прежних местах и действиях, которые ещё требовалось подтвердить. Софья — договор, порядок запросов и незаконченный вопрос временной работы Антонины. В письме кадров пока не было ни конкретного рабочего места, ни расчёта оплаты.

— Завтра напомню о сроке, — сказала Софья. — Но обещать ей прежнюю сумму не буду.

На телефон Инги пришло сообщение Надежды. Короткое, без приветствия: по энергоцеху продление всё ещё не подписано, для ближайшей сверки нужен ответ по двум пунктам; подключиться она сможет в пятницу только на двадцать минут.

Инга прочла сообщение вслух, не открывая другие рудогорские материалы.

— Пятницу утром отдаём им, — сказала Софья. — Я подготовлю правовую часть. Павел, нужен статус технических обязательств, не новая оценка.

— До четверга передам.

Печной цех в Рудогорске был законсервирован. Но вопрос о том, кто и на каких условиях продолжит держать энергоцех, не исчез вместе с опасным пуском. У Надежды снова имелись двадцать минут между собственными делами, у них — необходимость не занять эти минуты неподготовленным разговором.

Инга подтвердила время. О новых пациентах не написала.

Когда они убрали посуду, на рабочую почту пришёл подписанный экземпляр договора. Острецова подписала его после уточнения перечня исторических материалов; приложения были на месте. Софья проверила страницы и отправила подтверждение.

Павел открыл фотографии сегодняшнего обхода. На одной виднелся закрытый узел, показания с которого можно было прочесть из прохода. За ним — рука работника на внешнем пульте. Ничего не требовалось открывать, чтобы выполнить обычную проверку.

— Эту оставь в описании, — сказала Инга. — Здесь видно само изменение работы.

— Оставлю.

Он прикрепил снимок к записи, указал место и время. Затем открыл лист условий отбора. Под заполненными интервалами оставалась строка обслуживания, которого сегодня не было.

Инга просмотрела оба листа, прежде чем выключить верхний свет. В первом работник стоял снаружи закрытого процесса. Во втором напротив отдельной операции было напечатано: «Не обследовано».

Павел сохранил их в одном комплекте.

Глава 5. То, чего не измерить сегодня

Острецова читала протоколы стоя. Секретарь ещё не успела убрать со стола папки к следующему совещанию, и директор пристроила лабораторный комплект поверх них, придерживая загибающийся угол.

— Здесь всё ниже? — спросила она.

— В обследованных условиях превышений по исследованным веществам не выявлено, — ответил Павел. — Да.

Она села.

Химические результаты пришли из профильной лаборатории утром, через несколько дней после отбора. Павел уже связался с исполнителем, проверил номера проб и теперь сопоставлял протоколы со своими листами наблюдений. На фотографии Олеся стояла у внешнего пульта; в записи рядом были время, режим линии, обычная загрузка и короткая отлучка за материалом. Между фотографией и лабораторной таблицей не возникло противоречия.

— И в личных пробах? — Острецова указала на второй лист.

— В пробах из зоны дыхания участвовавших работников — тоже. За те интервалы, которые здесь указаны.

— Вы так говорите, словно извиняетесь за хороший результат.

Павел поднял голову.

— Не извиняюсь. Результат хороший. Проверяю, чтобы мы правильно написали, к какой работе он относится.

Он перевернул лист наблюдений. Напротив отдельного обслуживания по-прежнему стояло «Не обследовано».

Острецова задержала на этой строке взгляд.

— Этого обслуживания не было. Не потому, что вас ждали.

— Именно так и записано, — сказала Инга. — У нас нет основания утверждать, что его убрали ради проверки.

— Тогда предлагаю зафиксировать, что общее отравление на предприятии не подтвердилось.

В приёмной кто-то уронил связку ключей. Директор не обернулась, только пододвинула к себе блокнот, приготовившись записать согласованную фразу.

— Общего диагноза мы не ставили, — ответила Инга. — Эти результаты показывают другое: при обследованной обычной работе закрытого участка превышений не выявлено. Это останется в заключении.

— Без последующего «но»?

— С отдельным перечнем того, чего мы не обследовали.

Острецова положила ручку.

— Инга Николаевна, я должна объяснять расходы. Мне уже задают вопрос: если здесь всё в порядке, зачем ещё исследование?

— Потому что вопрос касается не только этих часов работы.

Инга попросила план модернизации. Директор достала его из нижней папки и развернула между ними. Цветные участки были знакомы по первому разговору; сегодня поверх них легли листы с результатами.

— Первый из показанных вами этапов — шесть лет назад?

— Да.

— У обратившихся к нам людей работа начиналась значительно раньше. У одного закончилась около четырёх лет назад. Его основная история вообще не попадёт ни в один сегодняшний отбор.

Она не называла жалоб и не открывала медицинских папок. Для этого разговора хватало периодов.

Острецова провела пальцем по границе нового участка.

— Тогда так и пишите: исследуете прошлое. Не надо, чтобы нынешние работники прочитали про двадцать лет назад и решили, что завтра им сюда нельзя.

— Не надо, — согласилась Инга. — И обратное тоже: сегодняшний протокол не должен превратиться в заключение, что у человека не может быть последствий прежней работы.

Директор посмотрела на Павла.

— Вы можете восстановить прежние концентрации?

— Где сохранились измерения — сможем проверить, что именно тогда получили. Где их нет — сегодняшним прибором не восстановим.

— То есть окончательного числа не будет?

— Одного числа за всю трудовую жизнь — нет.

Острецова откинулась на спинку кресла. На её столе почти всё было устроено для короткого решения: входящий лист, резолюция, исполнитель, срок. Павел оставлял ей задачу, в которой даже добросовестное исполнение не обещало заполнить все клетки.

— Неполнота нынешнего отбора, — сказала она, — сама по себе не доказывает, что мы кому-то навредили.

— Не доказывает, — ответила Инга.

Директор снова взяла ручку. Записала формулировку о результатах, затем попросила Павла вписать номера протоколов.

На выходе он остановился у секретаря: в электронной сводке название одного режима было сокращено иначе, чем в листе отбора. Сотрудница открыла исходный файл, сверила и исправила заголовок.

— Числа не меняем? — спросила она.

— Ни одного.

Инга ждала у окна. За стеклом рабочий снимал с тележки запечатанную тару, другой сверял маркировку. Улучшения существовали не только в директорском плане. Их было видно в движениях людей, которым для обычной проверки больше не требовалось приближать лицо к открытому узлу.

Это облегчало сегодняшнюю смену. Годы до неё оставались на другом листе.

***

Для разговора с Черновой Инга заняла маленькую переговорную гостиницы. Стол здесь был слишком широк для двоих, зато дверь закрывалась плотно. На ручку снаружи она повесила выданную администратором табличку и проверила связь.

Лидия появилась на экране уже в конце своего приёмного дня. На шее у неё остался след от воротника, волосы с одной стороны примялись дужкой очков.

— По биологическому контролю я уточнила у профильного специалиста, — сказала она. — Ты хотела обсудить до встречи с Седовой?

— Да. Она спрашивает, почему нельзя сдать анализ на сероуглерод и закончить спор.

— Потому что сейчас он не закончится анализом.

Чернова открыла присланные ей сведения о сроках прекращения контакта.

Речь шла о показателе в моче, который мог помочь оценить недавнее воздействие при правильно выбранном времени отбора. Лаборатория отдельно оговаривала условия и пределы его толкования. Это не был способ узнать, сколько вещества человек получил за годы.

— Мы уже не в том интервале, для которого его собирались использовать, — сказала Лидия. — Получим низкое значение, и кто-нибудь назовёт это доказательством отсутствия отравления. Получим неожиданное — придётся выяснять сегодняшний источник и особенности результата. Десять лет назад он всё равно не покажет.

Инга посмотрела на незаполненную строку в плане. У неё самой возникало желание поставить туда хотя бы назначение: конкретное действие вместо очередного ожидания документов. Пациентке было бы легче сказать «сдайте», чем объяснять, почему доступная платная услуга не отвечает на её вопрос.

— Ради восстановления давней дозы не назначаем, — сказала она. — Если возникнет самостоятельная клиническая задача, вернёмся к показаниям.

— Остальной план не снимаем. Кровь на обменные причины, повторная оценка чувствительности, исследование нервов по записи. И давление. Дневник она продолжает?

— Вчера сказала, что да. Время теперь ставит.

— Хорошо. Я не хочу, чтобы в ожидании производственной истории мы забыли лечить то, что уже требует внимания.

Чернова отключилась до прихода Антонины: совместную часть разговора согласовали на более короткое окно позже. Инга убрала с экрана медицинскую переписку и сходила за водой.

Антонина пришла без мужа. Он привёз её, но остался по своим делам в городе. В сумке у неё лежал прежний маршрутный лист, уже потёртый на сгибах. Она положила его на стол и вытащила из кармана вырезку — распечатанную страницу лабораторного сайта.

— Вот. Здесь принимают. Я позвонила, сказали, можно за свои деньги.

— Принимают, — сказала Инга. — Но это исследование недавнего контакта. Оно не измерит то, что вы получили несколько лет назад.

— А хоть что-нибудь измерит?

— При нужных условиях — да. У вас сейчас другие сроки после прекращения работы. И вопрос у нас другой.

Антонина расправила вырезку ногтем.

— Получается, пока я там была, не взяли. Теперь ушла — поздно.

— Для этой задачи и этого анализа — да.

— Удобно.

Инга не стала спрашивать, кому. На одном краю стола лежало ограничение работы, действовавшее уже сейчас; на другом — план выяснения причины без обещанной даты окончания.

— Что тогда у меня осталось? — спросила Антонина. — Пальцы проверять?

— И это. Чтобы понять, какие нервы повреждены и насколько. Анализы крови нужны, чтобы проверить другие возможные причины. Давление — чтобы не пропустить его вклад и подобрать помощь. А прежнее воздействие будем восстанавливать по вашей работе и документам разных лет.

— Если ничего не найдёте?

— Тогда так и придётся сказать: достаточных сведений нет. Или найдётся другая причина. Продолжительность поиска не гарантирует профессионального диагноза.

Антонина убрала вырезку, но не выбросила.

— Я не прошу нужный диагноз. Я хочу знать, зачем каждый раз еду.

Инга придвинула к себе её маршрут и начала было перечислять сразу три пункта. Антонина кивнула на втором, слишком рано.

Инга замолчала.

— Вы сейчас согласились, чтобы я закончила?

— Чтобы вы дальше не объясняли всё сразу.

Она сказала это без прежней резкости, и оттого Инге стало неловко сильнее. Времени до связи с Черновой оставалось мало; Инга уже превратила эту нехватку в темп, который должна была выдерживать пациентка.

— Давайте по одному, — сказала она.

Антонина сама взяла ручку.

Возле исследования нервов они написали коротко: «Уточнить повреждение и тяжесть». Возле анализов — «Проверить другие причины». Отдельно, не среди медицинских назначений, появилась строка о трудовых документах.

— Это мне идти в кадры?

— Запрос подготовим. Вы посмотрите, что именно от вашего имени просим. За производственными протоколами сама ходить не должны.

Когда подключилась Чернова, Антонина задала ей два вопроса по назначениям, не возвращаясь к лабораторной вырезке. Потом уточнила дату пересмотра ограничения.

— Архив к этому времени может не прийти, — сказала Лидия. — Но повторную оценку мы из-за него откладывать не будем.

После разговора Антонина ещё некоторое время дописывала. Инга не предлагала сделать это за неё.

— Здесь оставлю место, — сказала Антонина, обведя пустую строку. — Когда ответят про работу, впишу. А то у меня все бумаги про то, куда ехать, и ни одной — куда потом приходить каждый день.

***

К вечеру Павел занял на гостиничной кухне почти весь стол. Не бумагами — одним длинным листом, склеенным из нескольких. Вдоль верхнего края шли годы. Под ними он расположил этапы модернизации, пока с пометкой об источнике: план предприятия и пояснения директора.

Инга поставила чайник на свободный подоконник.

— Ты календарь удлинил?

— Людей не хватило, решил добавить годы.

Он сдвинул стул, освобождая ей место. Софья сидела у розетки и разговаривала с приёмной внешнего архива. По её лицу было видно, что договор с заводом на том конце связи никого не впечатлил.

— Понимаю. Нам и нужно выяснить держателя фонда… Нет, медицинских карт мы у вас не запрашиваем.

Инга раскрыла две отдельные подборки. Для общей рабочей основы использовали коды, а листы, связывавшие их с фамилиями, оставались в защищённом разделе. Ни результатов проб Антонины, ни описания походки Руслана Павлу для этой таблицы не требовалось.

— У Белова вот этот переход пока со слов, — сказала она. — Сам поправил: на новой части бывал, но сколько и когда — надо уточнять.

— Не растягиваю на весь год.

— И увольнение сверим с копией записи. «Около четырёх лет назад» пока не дата.

Павел снял полоску бумаги, которой уже обозначил период, и заменил её короткой отметкой с вопросом. Под должностью оставил место для действий.

С Антониной получалось ещё длиннее. Двадцать девять лет помещались в несколько кадровых записей; внутри них менялись оборудование, обслуживание и расположение рабочих мест. Пока эти изменения нельзя было уверенно совместить. Инга помнила, как легко люди говорили «всегда»: всегда подходила с этой стороны, всегда делали вдвоём. На уточняющий вопрос о снятой перегородке выяснялось, что «всегда» началось после ремонта, год которого никто сразу не вспоминал.

— Нам нужны ориентиры, которые можно проверить, — сказала она. — Не заставлять их вспоминать каждую смену.

— Приёмка узла, перевод участка, длительный ремонт, — перечислил Павел. — И то, что было между ними.

Софья закончила звонок.

— Сводки у них могут быть. Первичные листы могли остаться у прежней лаборатории или уйти правопреемнику. Просят годы и старое наименование организации.

— В выписке из договора найду, — сказал Павел.

— Найди основание, по которому мы считаем, что измеряли именно они. Я не хочу отправлять человеку запрос на всю промышленность края.

Они сократили первый перечень, не сокращая сам вопрос. Предприятию уходил запрос на имеющиеся первичные протоколы прежних измерений: с местами, временем, методами, режимами и приложениями, а не только с годовыми итогами. Отдельно — акты ввода оборудования, документы о ремонтах, изменении вентиляции и обслуживании. Пока это были названия нужных источников; ни отказов отсосов, ни продолжительности вмешательств из них ещё не следовало.

— Копии кем подтверждаются? — спросила Софья.

Павел показал пункт.

— Уполномоченный держатель. Если электронные — исходный подписанный файл, где он сохранился. Если только скан, так и обозначить.

— И если документа нет, пусть пишут, что искали и куда передали. Не пустой прочерк.

Материалы прежних надзорных проверок требовали другого пути. Софья составила отдельное обращение в территориальное управление: уточнить наличие и порядок законного получения относящихся к указанным участкам материалов. Она не приложила к нему договор как пропуск в чужой архив. Полномочия центра описала ровно в пределах поручения; для сведений, которые могли понадобиться по индивидуальному медицинскому маршруту, оставила соответствующий порядок запроса через медицинскую организацию.

— Они могут дать не всё, — сказала она. — Могут попросить уточнить предмет. Это не равно отказу прятать правду.

— Пока мы даже не знаем, у кого первичные листы, — ответил Павел.

Трудовые сведения запрашивали отдельно для каждого человека: подтверждённые периоды, участки, переводы, доступные документы об обязанностях. Проект Антонине отправили для просмотра; Руслану — по согласованному с ним каналу, с предложением обсудить формулировки звонком. Их воспоминания не прикладывали целиком к общему письму директору.

За стеной заработал пылесос. Софья подняла ноутбук, пропуская провод чайника под ним, и продолжила читать.

— «Реконструкция накопленной дозы», — произнесла она. — Это откуда?

Павел наклонился к экрану.

— Старое название раздела в шаблоне. Убери. У нас восстановление условий и периодов возможного воздействия.

— Менее внушительно.

— Зато не обещает арифметику из дырок.

Он посмотрел на длинный лист. Между известными датами было больше белого, чем заполненного.

Инга не предложила усреднить. Даже если бы у них появились годовые цифры, оставалось бы выяснить, рядом с чем находился каждый человек, какие действия выполнял и как долго. Сейчас не было оснований подставлять вместо всего этого название должности.

К девяти первый запрос предприятию отправили и получили подтверждение доставки. Обращение по надзорным материалам ушло через официальный канал. Для архива сохранили отдельное уточнение прежнего наименования; отправку назначили после проверки реквизитов утром. В списке контроля рядом с каждым адресатом стояли предмет, основание, дата и ответственный за следующий контакт.

— Срок получения не ставь как обещанный, — сказала Софья, увидев у Павла колонку.

Он переименовал её в «Дата проверки ответа».

На кухню вошёл постоялец с кружкой. Увидел стол и остановился.

— Чайник можно?

Инга поднялась, освободила подоконник. Пока мужчина наливал кипяток, Павел свернул длинный лист. На сгибе сошлись два года, между которыми у них ещё не было ни одного подтверждённого перехода.

***

Семейное письмо Инга открыла уже в своём номере. Оно пришло на личный адрес ещё днём; она видела имя отправителя, но до отправки рабочих запросов не читала.

Корнеев не повторял прежнего подтверждения договорённости с Николаем. Теперь он предлагал порядок ознакомления: сначала ограниченная выписка из описи, затем уточнение позиций, доступ к которым Инга просит рассмотреть. Ссылался на сведения о третьих лицах и необходимость определить основания передачи каждого документа. Указывал, куда направить обращение и как подтвердить личность заявителя.

Содержания обещанной копии в письме не было. Не было и сведений о том, получил ли её отец.

Инга прочла второй абзац ещё раз. Слово «ознакомление» хотелось понять шире, чем позволял текст. Но ей пока предлагали только способ назвать следующую просьбу точнее.

Она позвонила матери.

— Ответ пришёл. По описи. Не сами документы.

— Читать будешь?

Инга прочла существенную часть, не пересказывая её как согласие открыть архив.

Ирина некоторое время молчала. На заднем плане звякнула крышка кастрюли.

— Надо ехать?

— Пока нет. Сначала отдельное обращение. Если будут расходы на копии или поездку, обсудим до согласия.

— Из ваших рабочих денег не бери.

— Не беру. Это наше.

— Я помню.

Инга спросила, остаётся ли в силе выбранный матерью срок разбора бумаг.

— Остаётся. И верхний ящик, — сказала Ирина. — Остальное я пока не трогала.

— Хорошо.

— Не надо ради ответа приезжать раньше. Ты там работу делай. Бумага от лишней недели не испортится.

Инга посмотрела на распечатку. Двадцать четыре года она прожила с тем, чего эта бумага не сообщала; теперь неделя ожидания казалась почти физической помехой.

— Мам, я пришлю тебе письмо целиком. И проект ответа до отправки.

— Пришли. Завтра прочту, сейчас очки в другой комнате.

После звонка Инга попросила Софью проверить только формулировку ближайшего семейного обращения. Та пришла на несколько минут, в домашней кофте, с ручкой без колпачка.

— Не «предоставить обещанный документ», — сказала она, прочитав проект. — Сейчас они предлагают выписку. Попросим её и основания ограничений. По конкретным позициям пойдём дальше, когда увидим.

— Опять два шага вместо одного.

— Один пока некуда ставить.

Они договорились об отдельном учёте дальнейшей семейной работы. Ни архивный поиск, ни возможные копии не попадали в расходы «Вязовского волокна».

На столе оказались два списка. В первом были лабораторные протоколы, материалы проверок, ремонты и периоды работы двух людей. Во втором — опись, порядок доступа и документы, которых Инга ещё не могла назвать.

Она разложила их по разным папкам. Рабочую оставила сверху: утром предстояло уточнить, под каким названием прежняя лаборатория передала свой архив. Под листом с адресатами лежал нынешний благополучный протокол. Инга поправила его край, чтобы не загнулся, и закрыла папку.

Глава 6. Свой остаток

В половине шестого Антонина проснулась раньше будильника и протянула руку к стулу. На спинке висела домашняя кофта. Рабочие вещи она убрала вчера, чтобы не собираться спросонья туда, куда её теперь не должны были пускать.

Будильник всё равно зазвонил. Михаил повернулся, нащупал телефон.

— Спи. Тебе не надо.

Она лежала, пока он ходил в ванную, открывал шкаф, искал чистые носки. Знала каждый звук и могла бы сказать, что он сейчас делает, не поднимая головы. В обычный день она уже успела бы поставить чайник. Теперь ждала, когда освободится кухня, словно сама себе здесь мешала.

Михаил заглянул из коридора:

— В обед заеду. Направление заберём. Только будь одета, у меня потом заявка.

— Помню.

— Суп в маленькой кастрюле. Тебе только подогреть.

Когда за ним закрылась дверь, Антонина ещё немного полежала. За стеной у соседей зашумела вода. Во дворе хлопнул автомобильный багажник. Все постепенно занимали положенные им места; её место оставалось здесь, под одеялом, хотя спать больше не хотелось.

На столе лежал листок Михаила: «Поесть. Квитанцию не выбрасывай. Электрику не открывай, я сам договорюсь». Под ним — квитанция, которую она и не собиралась выбрасывать. Раньше такие записки были короткими: «Хлеб возьму» или «Позвони Петровне, у неё течёт». Теперь он писал ей день целиком.

Она позавтракала, приняла назначенные утренние таблетки, поставила отметку в своём листе. Потом посидела перед измерением давления. Записала не только цифры, но и время, как обещала врачу. Ручка оставляла вмятину на среднем пальце; пальцы казались чуть обёрнутыми чем-то, хотя кожа была голой.

До поездки оставалось несколько часов. Антонина собрала полотенца для стирки, отмерила гель в колпачок. В этот момент позвонила женщина из регистратуры: направление готово, получить можно до двух, паспорт с собой.

Антонина записала кабинет на обороте Михаилова листка. Пока женщина уточняла, с какого входа зайти, машинально отнесла телефон к окну — там было лучше слышно. Вернувшись в ванную, она остановилась перед открытой машиной.

Полотенца внутри. Колпачок на краю раковины. Гель она вылила или только собиралась?

Хотелось сердито ответить самой себе: конечно, вылила. Но от сердитости ничего не прояснилось.

Она придвинула колпачок к свету. На дне осталось немного густой жидкости, по стенке тянулась свежая полоса. Выдвинула лоток машины: в отделении для основной стирки лежал синий гель. Значит, вылила. Антонина сполоснула колпачок, закрыла бутылку и убрала её в шкаф. Только после этого включила программу.

Если бы Михаил стоял рядом, он уже забрал бы у неё бутылку. И вечером рассказал бы кому-нибудь: даже стирку не может запустить. От этой воображаемой фразы стало жарко у шеи. Она прислонилась лбом к прохладному дверному косяку, переждала.

Машина набрала воду. Всё было сделано правильно, только заняло больше времени.

В корзине с чистым бельём лежали Михаиловы рабочие брюки. У кармана разошёлся шов, и он положил их отдельно — не попросил, просто оставил так, чтобы она увидела. Антонина прежде зашила бы на машинке. Сейчас не хотелось доставать её с нижней полки, продевать нить, потом разбирать, отчего стежок петляет.

Она села у окна. Постелила на колени светлое полотенце, положила на стол ножницы, катушку и очки. Иголку выбрала с большим ушком. Вдеть получилось не сразу; тонкий конец цеплялся за кожу. Она подрезала его и воспользовалась нитковдевателем, который раньше считала ненужной мелочью.

Шов расходился там, где Михаил носил связку ключей. Антонина закрепила ткань булавками и стала шить короткими стежками. Медленно, но ровно. Когда кисть устала, положила брюки на колени и посмотрела во двор.

От подъезда шла женщина с заводским пакетом. До дневной смены ещё оставалось время, но она, наверное, заходила в магазин. Антонина знала это движение: сумка на плечо, пакет в другую руку, быстрый взгляд на часы. От него в теле поднималась привычная готовность идти.

На работу хотелось не потому, что там было хорошо. Там она ещё могла понадобиться до того, как кто-нибудь начинал выяснять, справится ли она.

Она дошила карман, потянула ткань с двух сторон. Держалось. Булавки пересчитала и убрала в коробку. Одну обнаружила на полотенце уже после того, как решила, что собрала все.

***

Михаил приехал без десяти двенадцать. Вошёл с телефоном у уха, сказал кому-то: «Нет, пока не перекрывай, я сам посмотрю», — и поставил на пол сумку с инструментом.

Антонина уже была одета. Паспорт и лист с номером кабинета лежали у неё в сумке.

— Есть будешь? — спросила она.

— Не успею. Ты ела?

— Ела. Миша, отдай мою карту.

Он снял куртку с плеча, потом снова надел.

— Тебе сколько надо?

— Карту.

— Я наличные оставлял.

— Я знаю.

Михаил посмотрел на часы, словно разговор возник из-за неправильного времени, а не из-за карты.

— Сейчас направление заберём. Если что купить — заедем.

— Мне не надо каждый раз объяснять, что я собираюсь купить.

— Я не требую объяснять. Я спрашиваю, сколько нужно.

Она заранее представляла этот разговор, но дома слова получались хуже. В уме всё было коротко: это моя карта, отдай. Теперь между ними стояли его обеденный перерыв, машина под окном, суп, который он оставил, и необходимость куда-то ехать вместе.

— Ты сам слышишь? — спросила она. — Ты решаешь, сколько мне нужно.

— Тоня, ну не начинай. Ты её забудешь в магазине. Или сумму не ту наберёшь. У тебя и врач нашёл, не я придумал.

— Врач тебе карту забирать не говорил.

— А ждать, пока что-нибудь случится?

Она взялась за молнию сумки, провела бегунок до конца и открыла снова. Паспорт был на месте. Номер кабинета тоже. Михаил смотрел на её руки; Антонина перестала трогать молнию.

— Если забуду, заблокирую. Если не смогу сама — попрошу. Сейчас она у тебя, и я даже без ошибки не могу ею пользоваться.

— Телефон у тебя. Там всё есть.

— Значит, зачем ты её держишь?

Он не ответил сразу. Открыл бумажник, но карту не вынул.

— Давай так. Берёшь, только говоришь мне, что покупала. Чтобы я знал, сколько осталось.

— Сколько на квартиру и еду — посчитаем вместе. Большое что-нибудь — тоже. За каждую покупку я отчитываться не буду.

— Что значит большое?

— Холодильник. Ремонт. Не хлеб.

— Холодильник у нас пока работает.

— Я не про холодильник сейчас.

Из его телефона донеслась короткая трель. Михаил посмотрел на экран и сбросил вызов.

— Ладно. Только не клади куда попало.

Он вытащил карту из отделения за своей и положил на обувную тумбу. Антонине пришлось наклониться, чтобы взять её. На пластике осталась потёртость возле края — та самая, которую она помнила. Ничего за эти дни с картой не произошло.

Она вставила её в кошелёк.

— Я ещё снимать не буду, — сказал Михаил.

— Что снимать?

— Наличные. Ты же хотела.

— Я карту хотела.

Он взял ключи.

В машине они почти не разговаривали. На повороте Михаил придержал рукой сумку с инструментом, чтобы не упала, потом спросил, не дует ли Антонине. Она ответила, что нормально.

У поликлиники он хотел идти с ней, но снова зазвонил телефон.

— Я заберу сама, — сказала она. — Ты на заявку езжай.

— Я подожду.

— Мне потом в магазин. Домой пешком дойду.

Михаил посмотрел на дорогу к дому: два квартала, светофор, двор. Ей показалось, что он мысленно расставляет на этом пути людей, которые должны её заметить.

— Позвони, когда придёшь.

— Напишу.

В регистратуре направление оказалось в другой стопке. Антонина назвала фамилию, подождала, показала паспорт. Проверила, её ли имя на листе. Никакого особенного происшествия из этого не вышло.

Возле поликлиники был хозяйственный магазин. Она купила щётку для обуви взамен той, у которой вылезла середина, и два крючка на липкой основе. Эти крючки она собиралась взять ещё до врачей: полотенце у раковины всё время падало с одного ржавого гвоздя.

Кассир назвала сумму. Антонина достала карту, приложила к терминалу, забрала чек. Очередь за ней продолжала обсуждать чей-то водосчётчик. Никто не видел причины следить за покупкой щётки.

У выхода она открыла банковское приложение. Платёж прошёл. Счёт был тот же, доступ работал. Антонина задержалась на остатке, затем закрыла экран.

По дороге домой купила хлеб. Михаилу написала уже из кухни: «Пришла. Направление забрала». Он ответил: «Хорошо».

Она положила карту не на тумбу и не рядом с его ключами, а обратно в свой кошелёк.

***

После обеда Антонина развесила полотенца. На дне корзины осталась мокрая наволочка, попавшая туда вместе с ними; она расправила её отдельно, чтобы не пришлось потом долго гладить. Вернувшись в кухню, увидела телефон и вспомнила дату.

Руслану она обычно переводила деньги в эти дни, после поступления зарплаты. Иногда на день раньше, иногда позже. Сейчас зарплатный порядок расстроился, а число осталось.

Она открыла историю операций, прокрутила вниз. Между аптекой, коммунальным платежом и продуктами стояла прежняя сумма — пять тысяч рублей. Руслан Белов. До неё такая же, ещё месяцем раньше. Антонина не стала листать все четыре года.

Сначала это было не каждый месяц. После его ухода с производства потребовались деньги на поездку к врачу, потом на лекарства и кое-что по дому. Она отправила из своих отложенных, не сказав Михаилу. Думала, что расскажет потом, когда будет ясно, сколько ещё нужно. Потом появился следующий расход.

Когда помощь стала постоянной, объяснять её было уже труднее. Пришлось бы начинать не с нынешних пяти тысяч, а с того, почему она молчала раньше.

Михаил знал Руслана по имени, видел на заводских праздниках. Однажды помог ему донести тяжёлую коробку до такси. Между ними не было вражды, которую Антонина могла бы назвать причиной своей тайны. Просто муж спросил бы, почему именно она должна давать деньги взрослому человеку. И она бы сказала: не должна. На этом разговор только начался бы.

С Русланом у неё не было ни встреч, которые надо прятать, ни слов, оставленных для него одного. Они не собирались вместе стареть или менять свою жизнь. Он мог раздражать её: отвечал не на тот вопрос, пропадал на несколько дней, а потом звонил из-за какого-нибудь адреса, который она уже присылала. Никогда не напоминал, что перевод задержался. Дважды просил отправлять меньше.

Ей всё равно нужно было, чтобы деньги дошли.

На столе лежали зашитые брюки Михаила. Антонина провела пальцем по новому шву. От неровного края кармана вспомнилась другая ткань — рукав Руслана, мокрый у запястья, и его ладонь на деревянной ручке приспособления.

Это было за несколько лет до его ухода. Точный год она сейчас не назвала бы. Они стояли у приёмного стола после остановки рабочего места: нужно было закрепить подготовленный конец пучка волокон в направляющей перед продолжением работы. Руслан уже закрепил его, но снова потянулся к той же скобе.

— Сделано, — сказала она.

Он посмотрел на неё, потом на свою руку.

— Знаю. Проверяю.

Но держал он не тот конец. Второй ещё лежал на столе.

Антонина подвинулась, закончила за него. Это заняло меньше минуты. Рядом ждал человек из следующей операции; она сказала ему, что они задержались из-за материала. Руслан стоял чуть в стороне и растирал пальцы, будто от холода, хотя в отделении было душно.

— Поешь на перерыве, — сказала она ему. — Ты с ночи никакой.

— Пальцы не слушаются.

— У меня тоже бывает.

Она помнила, как легко произнесла это «тоже». Оно позволило обоим не продолжать. На перерыве он поел, потом сделал свою работу без видимой ошибки. Антонина успокоилась: значит, устал. Дома о нём не рассказала. Не было тогда будто бы ничего такого, о чём стоило говорить.

Позже случалось ещё. Она подхватывала, он молчал. Они берегли друг другу заработок и не называли это чем-то особенным. Антонина не знала, от чего он болел, не знает и сейчас. Но в памяти оставалась та минута, когда можно было хотя бы настоять, чтобы он пошёл к врачу не между делом, а всерьёз. Вместо этого она помогла им обоим закончить смену.

Теперь Руслан ходил по квартире, заранее выбирая, за что ухватиться. Деньгами нельзя было вернуть ему ноги. Зато можно было отправить деньги и увидеть сообщение, что он купил нужное. Это было небольшое действие с понятным концом, каких в её собственной жизни становилось всё меньше.

Антонина снова посмотрела на остаток.

До болезни она знала свой заработок почти без расчётного листка. Могла ошибиться на несколько сотен, не на тысячи. Сейчас в телефоне лежало сообщение кадров: места ещё согласовывают. Сколько будет стоить следующая поездка, она знала; что придёт потом на счёт — нет.

Она взяла листок. Выписала расходы, которые предстояли до конца месяца: лекарства, дорога, своя часть коммунальных платежей. Часть обследования ещё нужно было уточнять по направлению. Рядом поставила знак вопроса, не сумму.

После пяти тысяч оставалось меньше, чем хотелось. Не пусто. Но уже без того запаса, из которого обычно незаметно брались новые колготки, мелкий ремонт, подарок чьему-нибудь ребёнку. У неё были ещё отложенные деньги на другом счёте; трогать их она пока не собиралась.

Можно было отправить три. Можно было написать Руслану, что теперь у неё самой непонятно с работой.

Антонина даже набрала: «В этом месяце…» — и стёрла. Он сразу скажет не надо. Не из вежливости, она знала. Он умел отказаться так, что повторять предложение было стыдно.

При мысли, что он приспособится без её пяти тысяч, возникло неприятное, почти обидное чувство. Антонина отложила телефон. Разве ей хотелось, чтобы он не справлялся? Нет. Конечно, нет.

Из ванной капала вода с плохо отжатого края наволочки. Она сходила, подставила таз, вытерла пол. Когда вернулась, экран погас.

Она могла оставить перевод до завтра. Но завтра сумма не стала бы другой, а решение пришлось бы принимать ещё раз.

Антонина открыла прежнюю операцию, выбрала повтор. Проверила имя, банк ипоследние цифры номера. В поле суммы оставила пять тысяч. После подтверждения дождалась сообщения об исполнении и только тогда закрыла приложение.

Руслан ответил через четверть часа:

«Пришло. Тебе сейчас самой не надо оставить?»

Она смотрела на вопрос дольше, чем на банковское подтверждение.

«Справлюсь», — написала наконец.

Он не стал благодарить несколько раз и уверять, что без неё пропал бы. Прислал: «Если что, скажи. Я могу обратно». Потом отдельным сообщением спросил, нашла ли она старую трудовую выписку, о которой говорила с врачом.

«Ещё ищут».

«У меня тоже не всё. Не собирай за меня. Сам отвечу».

Она улыбнулась, хотя от последних слов немного задело. Он и раньше говорил ей: не лезь сразу помогать, я ещё не закончил.

Лист с расходами Антонина не выбросила. Дописала перевод, вычла его из остатка. Потом сложила лист и убрала в свой ежедневник. Там же лежали назначения и номер кабинета, переписанный утром. Банковские суммы врачу были ни к чему.

***

Михаил вернулся после семи. Положил на стол пакет с творогом и маленькую коробку халвы в шоколаде. Антонина любила такую, но сама давно не покупала: брала обычную, развесную, а потом она засыхала в шкафу.

— У магазина очередь была, — сказал он. — За хлебом. Я увидел, что свежую привезли.

— Хлеб у нас есть.

— Я про халву.

Он переоделся и пришёл на кухню с зашитыми брюками.

— Это ты сделала?

— Я.

— Спасибо. А то ключи за подкладку уходили.

Он провёл рукой по шву с изнанки, проверяя, не зацепит ли карман. Антонина ждала ещё чего-нибудь — что лучше бы не напрягалась или могла оставить ему. Но Михаил повесил брюки в коридоре и пошёл мыть руки.

Она готовила на завтра сумку для поездки. В боковой карман положила бутылку воды, рядом — папку с направлением. На стуле оставались кофта и сложенный пакет под обувь.

Михаил взял папку.

— Это сюда лучше, а то помнёшь.

— Не перекладывай.

— Я только в заднее отделение. Там жёсткое.

— Миша. Оставь как было.

Он задержал папку в руке, потом положил обратно. Кофту всё же начал складывать плотнее, но остановился.

— Она сверху не влезет.

— Я вижу. Потом решу.

— Как хочешь.

Это «как хочешь» прозвучало с обидой. Антонина хотела сказать, что речь всего лишь о сумке, но знала: для него не только. Он привык получать место в её жизни делом. Поднять, отвезти, переложить так, чтобы не сломалось. Теперь она то и дело отодвигала его руки, а другого способа он быстро не находил.

За ужином Михаил рассказал о заявке. В подвале полдня искали течь, а вода шла из квартиры выше по стояку; хозяин уверял, что у него сухо, потому что смотрел только под ванной.

— А надо было куда? — спросила она.

— За шкаф. Он там зашил всё наглухо. Лючок декоративный, откроешь — любуйся плиткой.

— Как наша полка в туалете.

— Наша снимается.

— После того как ты два крепления отпилил.

— Зато теперь снимается.

Они оба засмеялись. Михаил отломил ей кусочек халвы. Шоколад крошился на клеёнку; он собрал крошки пальцем и съел. Антонина вспомнила, как он точно так же делал в молодости, когда они пили чай у её матери и старались не наследить.

Телефон лежал рядом, экраном вниз. На нём оставался разговор с Русланом.

— Надо будет с деньгами сесть, — сказал Михаил. — Не сегодня. Когда тебе про работу ответят. Посмотреть, что у нас на этот месяц, что дальше. А то я со своей стороны считаю, ты со своей.

Антонина подвинула блюдце. Предложение было разумным. Она сама утром сказала почти то же самое.

— Давай.

— Квитанции я соберу. Выплаты твои пока точно неизвестно?

— Пока нет.

— Тогда дождёмся расчёта. И поездки посчитаем. Бензин ещё терпит, если без лишних кругов.

Он не требовал телефон и не тянулся за картой. Просто доедал творог, собираясь решить вместе с ней задачу, которую одному теперь было не посчитать.

— Только не на бегу, — сказала Антонина.

— Вечером сядем. Как ответят.

Она кивнула.

После ужина Михаил пошёл проверить, не течёт ли у них под раковиной: чужая заявка напомнила про старое соединение. Из кухни было слышно, как он вынимает ведро и ворчит на поставленные перед трубой бутылки.

Антонина достала кошелёк. Карта лежала в своём отделении, рядом с магазинным чеком. Она убрала чек в коробку для домашних расходов, а кошелёк — в сумку.

Потом открыла ежедневник. На сложенном листе стояли лекарства, дорога, коммунальные платежи и пять тысяч Руслану. Между строками было достаточно места для уточнений.

Она расправила сгиб ладонью. Этот лист к общим квитанциям пока не положила.

Глава 7. Другой ответ

Ерохин поставил ногу на перекладину стула и затянул шнурок, глядя на пальцы. Второй ботинок оставил как был.

— Утром завязал. Вышел — болтается. Не почувствовал, что слабо.

Он не жаловался. Показывал, зачем пришёл: дело, которое прежде не требовало взгляда, теперь приходилось проверять.

На совместное обсуждение с Ингой Станислав согласился заранее. Чернова положила перед ней результаты, отделив их от направлений, которые ещё предстояло выполнить. Внизу одного листа стояла отметка лаборатории о повторной проверке низкого значения.

Ерохин обратился сам, после разговора со знакомым из другой смены. Несколько месяцев немели стопы, в темноте стало труднее держать равновесие. Потом начал промахиваться пальцами, когда брал мелкие предметы. Он не просил подтвердить отравление и не требовал справки для кадров. Хотел узнать, почему перестал доверять собственным движениям.

— Я ведь ещё не старый, — сказал он. — А в прихожей свет не включу — сразу за стену держусь. Жена смеётся: экономный стал, электричество жалею.

Чернова повернула к нему лист.

— У вас выраженный недостаток витамина B12. Мы проверяли его не на всякий случай: изменения чувствительности и неустойчивость требовали такой проверки.

Ерохин посмотрел на число, затем на соседний столбец.

— Это сколько мне не хватает?

— Достаточно, чтобы считать результат клинически значимым и начать лечение. Но по одной цифре мы не измерим, какая часть нарушений обратима.

— Значит, не показалось мне.

— Нет.

Он выпрямился. До этой минуты сидел чуть боком, будто пришёл ненадолго и собирался встать при первом удобном ответе.

Чернова ещё раз проверила чувствительность на пальцах стоп, попросила закрыть глаза и назвать направление небольшого движения. На одном пальце он ответил неверно, на другом помедлил. Инга смотрела, как он пытается помочь себе: напрягает лицо, прислушивается, хотя услышать здесь было нечего.

— А откуда недостаток? Я мясо ем. Я не на диете.

— Не только питание имеет значение. Витамин может плохо всасываться. Нужно уточнить причину, в том числе состояние желудка. Обследование у гастроэнтеролога организуем отдельно.

— Желудок у меня не болит.

— Отсутствие боли этого вопроса не закрывает.

Чернова объяснила назначения. При неврологических нарушениях откладывать лечение до завершения всех исследований не собиралась. Необходимые исходные образцы уже взяли; первый курс предстояло пройти по назначенной схеме через процедурный кабинет. Ерохин достал телефон.

— Можно сфотографировать? А то я жене скажу «витамин», она купит банку.

— Сфотографируйте. И бумажный лист заберите. Это не совет выбрать добавку в магазине.

Он усмехнулся:

— Она мне уже купила для памяти. Я забывал принимать.

Шутка вышла неловкой. Ерохин сразу посмотрел на Ингу, проверяя, не записала ли она это как ещё один симптом.

— Про купленное средство скажете Лидии, — ответила Инга. — Название и что успели принять.

Он нашёл фотографию упаковки. Чернова просмотрела её, уточнила сроки. Потом они вернулись к его работе и к тому, что пока было небезопасно делать из-за неустойчивости и сниженной чувствительности. Найденная причина не превращала сегодняшний осмотр в допуск.

— А через неделю я пойму, помогает или нет? — спросил он.

— Можете не понять. Восстановление нервной системы не оценивают по одному хорошему утру. Будем смотреть в динамике. И если появится новое или резко усилится прежнее — ждать назначенного дня не надо.

Ерохин провёл ладонью по колену.

— Всё равно хоть делать теперь есть что.

Он забрал назначения, перечитал время следующего посещения. У двери остановился:

— Это же лучше, чем если от работы?

Чернова не ответила сразу.

— Это причина, которую мы можем лечить. Сейчас я бы держалась за это.

Он кивнул, приняв ответ без обещания полного возвращения к прежнему. В коридоре его ждали; через неплотно закрывшуюся дверь Инга услышала: «Нашли. Представляешь, витамин». В голосе было такое облегчение, словно он уже вышел из кабинета здоровым.

Инга поднялась и закрыла дверь до конца.

— Что оставляем под наблюдением независимо от дефицита? — спросила она.

Чернова перечислила находки, которые собиралась сопоставлять с лечением: чувствительность, устойчивость, состояние рефлексов, повседневные затруднения. Часть сведений ещё требовала уточнения. Убедительная причина появилась, но необходимость следить за человеком не исчезла.

— По желудку пока без окончательной формулировки, — добавила она. — Подозрение не будем переписывать как подтверждение.

Инга сделала пометку. Ей досадно кольнуло собственное мгновенное ощущение потери — будто из незавершённой работы убрали важную опору. Ерохин не был опорой. Человек пришёл с жалобами, получил ответ и возможность лечения. Именно этого она должна была хотеть.

— Его производственный маршрут пока не закрываю, — сказала она.

— Не закрывай. Только не держи его в ожидании общего результата. У него уже есть своя задача.

***

Через два дня Михаил позвонил, когда Инга выходила из аптеки. Она покупала себе пластырь: новые рабочие ботинки натёрли пятку, хотя всё остальное в них было устроено правильно.

— Вы можете сейчас? Тут, кажется, всё проще оказалось.

Она отошла от дверей, пропуская женщину с детской коляской.

— Что именно?

— Станислав Ерохин. Он сам рассказывал нашим. У него тоже ноги, руки — а нашли нехватку витамина. Я сегодня его встретил, спросил. Он говорит, уже лечат.

За спиной Инги сработал доводчик. Дверь ударила по коробке, которую разгрузчик не успел отодвинуть.

— Михаил, я его медицинские сведения с вами обсуждать не буду.

— Да мне не сведения. Он сам сказал. Почему Тоне так нельзя?

— Что — так?

— Проверить и лечить. Без этих архивов. Вы же ей тоже назначали.

— Назначали. Её результаты обсудим с ней на приёме.

— Я не прошу мне пересылать. Я спрашиваю: если у него от витамина, значит, не отравление?

Инга посмотрела на аптечный пакет в руке. Сквозь тонкий пластик просвечивал зелёный край коробки; чек прилип к пальцам.

— Причина, найденная у одного человека, не является результатом обследования другого. Даже если они работают рядом и жалуются похожими словами.

— А если не найденная, а самая обычная? Просто недосмотрели раньше?

В его голосе не было торжества. Он говорил быстро, с надеждой успеть воспользоваться открывшейся возможностью, пока она не закрылась.

— Такую возможность мы и проверяем. У вашей жены с первого обследования назначены анализы на несколько причин.

— Так дайте ей это лечение. Пока разбираетесь.

— Назначение должно иметь основание у неё. Не у знакомого.

Михаил помолчал.

— У матери тоже сначала говорили: возраст, давление. Потом уже поздно было. Я не хочу ещё год сидеть и смотреть.

Инга убрала пакет в сумку. В первый раз за разговор ей захотелось не уточнять, а просто дать ему что-нибудь сделать — понятное, полезное, на сегодняшний вечер.

— Лечение по уже установленным показаниям не отложено до архива, — сказала она. — И обследование продолжается. Но обещать, что чужая схема поможет Антонине, я не могу.

— Вы всё равно за своё держитесь.

— За какую версию?

— За завод.

— Проверка прежних условий идёт отдельно. Она не отменяет других причин и не требует, чтобы все обращения закончились одним диагнозом.

На другом конце послышался металлический стук. Михаил, вероятно, был ещё на работе.

— Стас хоть обрадовался, — сказал он. — А Тоня после ваших приёмов только молчит.

Инга не стала объяснять ему, что молчание Антонины могло быть обращено не только к врачам.

— Она может позвонить мне до встречи, если хочет что-то спросить.

— Она уже спрашивает. Почему одному нашли, а ей всё нельзя.

Связь прервалась не сразу: Михаил ещё кому-то ответил, потом попрощался.

Инга осталась у аптечной стены. Ерохин имел право радоваться и рассказывать. Ему не нужно было удерживать слова при себе ради того, чтобы чужая история выглядела убедительнее. Но его короткое «нашли» уже прожило два дня без назначений, оговорок и срока повторного осмотра. До Михаила оно дошло почти обещанием.

***

Острецова принесла на встречу не медицинский вопрос, а лист объявления.

Его готовили для стендов у проходных: где можно получить сведения о работе приглашённых специалистов, куда направлять вопросы об условиях труда. Секретарь составила текст из нескольких писем и названий вложений. Вверху стояло: «Обследование группы работников с признаками возможного производственного поражения».

— Вот это нельзя вывешивать, — сказала директор. — У меня уже вчера спросили, сколько у нас отравленных.

Софья взяла лист.

— Нельзя. Мы этот текст не согласовывали.

— Заголовок из вашей переписки.

Инга узнала фразу. Она была в её коротком письме о предварительной организации консультаций — ещё до индивидуального разбора нескольких обращений. Внутри письма стояли ограничения, но в заголовок они не попали.

— Из моей, — сказала она. — Для объявления не подходит. И в переписке следовало назвать точнее.

Острецова чуть отодвинула лист, словно именно этого признания и ждала.

— Теперь, насколько я понимаю, появились основания не объединять эти случаи. Я не прошу фамилии. Люди рассказывают сами, и не все результаты подтверждают их первые опасения.

— Мы не устанавливали общий диагноз, — ответила Инга. — Но этот заголовок действительно позволяет его услышать. Исправим.

— Значит, можем снять формулировку о групповом поражении и пересмотреть следующий этап?

Павел открыл договор на приложении.

— Формулировку снимем. Исторический раздел остаётся.

— Я не говорю отменить подписанное. Я говорю о дополнительных расходах. Вы предложили отдельную оплату поиска и изготовления старых копий. При нынешних результатах я не вижу, почему надо согласовывать это сегодня.

На столе лежала небольшая смета: работа с архивом прежней лаборатории, заверенные копии, возможная пересылка. Держателя части материалов ещё уточняли. Предприятие должно было предоставить собственные документы по договору, но внешний поиск не превращался от этого в бесплатный.

— Потому что вопрос касается периодов, которых нынешние измерения не охватывают, — сказал Павел. — И конкретного обслуживания, о котором пока нет полного описания.

— Это вы объяснили в прошлый раз. Оснований больше не стало.

— Новость о чьём-то лечении их не уменьшает.

Острецова посмотрела на Ингу.

— Я не собираюсь оплачивать медицинскую теорию, которую каждый новый анализ меняет.

— Медицинские случаи будут меняться по мере получения данных, — сказала Инга. — Именно для этого их обследуют. Ваш договор не на подтверждение диагноза. Он на оценку условий и восстановление доступных сведений.

— И сколько таких сведений окажется достаточно?

— Заранее полного числа документов нет. Есть согласованные вопросы и этапы.

Директор взяла ручку, но ничего не написала.

— Основной этап выполняем. По дополнительной сумме мне нужен ответ, у кого находятся материалы и что именно можно получить. Не обещание, что там найдётся плохой результат.

— Такого обещания не было, — сказал Павел.

— Тогда укажите это в записке. Рассмотрим в обычном порядке, на следующей неделе.

Софья пододвинула к себе смету.

— Укажем предмет расходов. Запросы, уже направленные по согласованным основаниям, не отзываются. Срок предоставления ваших документов остаётся прежним?

— Остаётся.

Павел проверил дату в списке контроля. Внешний архив от этого разговора не приблизился; теперь к сроку его ответа добавлялось ожидание финансового решения. Инга знала, что можно было бы снова заговорить об опасности для людей и добиться срочности. Но тогда прозвучало бы именно то, что они пришли исправлять: предположение о болезни как уже готовое основание.

Острецова вышла ответить на звонок. В приёмной её сразу перехватил человек с листом отгрузки.

Софья развернула объявление чистой стороной вверх.

— «Работа по оценке условий труда. Порядок вопросов и обращений». Дальше — предмет этапа и контакты. Медицинские консультации отдельным абзацем, без числа обратившихся.

— Не слишком пусто? — спросил Павел.

— Это объявление, а не предварительный приговор.

Она написала два коротких абзаца и дала Инге. Не было ни списка пациентов, ни общего синдрома. Любой работник мог обратиться по поводу собственных жалоб, но сообщение не предлагало заранее считать их производственными.

— Если потом у части подтвердится связь, этот заголовок нам же предъявят, — сказала Софья, коснувшись прежнего текста. — Будто мы сначала объявили, потом подобрали людей.

— Мы не подбирали.

— Знаю. Поэтому и не надо оставлять фразу, которая говорит за нас другое.

Инга исправила также название собственного письма в рабочем перечне, сохранив исходное в переписке. Павел не убрал ни одной строки исторических запросов. Только возле расходов на внешний архив появилась новая отметка — требовалось решение заказчика.

Вернувшаяся Острецова прочла текст, не предложив дописать, что опасения не подтвердились.

— Так вывесим, — сказала она. — После вашего согласования.

***

Антонина пришла на отдельную встречу с папкой и дневником давления. Застёжку сумки она расстегнула, но документы не достала.

Для разговора им выделили кабинет в местной медицинской организации. Чернова должна была подключиться по защищённой связи; Инга проверила звук и отодвинула ноутбук так, чтобы экран не стоял между ней и Антониной.

— Михаил со мной говорил, — сказала Инга.

— Знаю. Он и со мной говорил.

Антонина посмотрела на пустой стул.

— Его не будет. Он у машины, потом поедет на заявку.

— Хорошо.

— Это вам хорошо. А мне теперь дома каждый день про Стаса.

Инга подождала. За стеной передвигали что-то на колёсах; звук прошёл вдоль кабинета и стих.

— Стасу я рада, — сказала Антонина. — Только он теперь всем объясняет, что надо было сразу нормальные анализы сдавать. Будто мы отказывались.

— Он говорит о том, что помогло разобраться с его состоянием. Я не могу запретить ему рассказывать.

— Я не прошу запретить. Я прошу со мной разобраться.

Она наконец вынула папку, положила её на колени.

— Сначала вы сказали — проверять работу. Я согласилась. Теперь у него не работа, воздух хороший, а я сижу дома. Мне что осталось?

Инга почувствовала знакомое желание быстро вернуть разговору опору. Двадцать девять лет, прежние операции, ещё не полученные протоколы — всё это можно было произнести так, что производственная причина стала бы почти несомненной. Антонина услышала бы защиту. На несколько дней им обеим стало бы легче.

— Ваш стаж и характер прежней работы дают основания… — начала Инга и остановилась.

Антонина подняла глаза.

— Что?

— Дают основания проверять воздействие. Не назвать причину сейчас.

— То есть вы тоже уже не уверены.

— Окончательной уверенности не было. Но я понимаю, что ожидание ответа уже стоит вам работы и денег.

— Не только денег.

На экране появилась Чернова. Поздоровалась, спросила, удобно ли Антонине слышать. Та попросила чуть прибавить звук. Инга подняла громкость и убрала руку от клавиатуры.

— Давайте сегодня без всего сразу, — сказала Антонина. — Я потом не могу пересказать. Что у меня уже есть? Не что может быть.

Чернова открыла записи.

— Подтверждены затруднения внимания и переключения между действиями. На осмотре есть изменения чувствительности. Ваши бытовые жалобы с этим согласуются. Эти нарушения не исчезли от того, что у другого человека нашли причину.

— Это я поняла.

— При этом мы видим, что вы понимаете предложения, сравниваете последствия, задаёте свои условия. Сложная последовательность даётся труднее. Это нужно учитывать, а не прекращать с вами разговор.

Антонина вынула ручку. Инга положила перед ней чистый лист.

— Дальше, — сказала Антонина.

— Дальше — причина. Часть анализов уже пришла, но весь клинический пакет не закончен. Уровень B12 у вас не снижен так, чтобы сейчас назначать лечение по основанию, о котором вы спрашиваете. Чужое назначение переносить не будем.

Антонина опустила ручку.

— Значит, даже этого нет.

— Нет именно такого объяснения, — сказала Чернова. — Это не отсутствие болезни и не отказ искать дальше.

Они разобрали остальные полученные результаты, не делая из каждого благополучного числа нового разочарования. Уточнили предстоящее исследование нервной проводимости, сроки повторной оценки внимания, приём лекарств. Антонина спросила, не придётся ли заново выполнять тот же лист с заданиями. Чернова объяснила, что повторение ради лучшего счёта им не нужно: важно увидеть состояние в приемлемых условиях и сопоставить разные данные.

Когда дошли до давления, Антонина закрыла дневник ладонью.

— Вот сейчас начнётся. Дома мне уже говорят, что сама таблетки забывала.

— Были пропуски? — спросила Чернова.

— Были. Теперь отмечаю.

— Тогда нам нужны и прежние сведения, и нынешние. Повышенное давление может влиять на состояние сосудов и нервной системы. Его надо лечить, даже если подтвердится другая причина.

— Но не всё же от него.

— Мы не утверждаем, что всё.

Антонина убрала ладонь. На одной странице цифры шли ровно, на следующей два измерения были дописаны тесно у края. Она сама показала их в камеру, затем передала дневник Инге.

— Здесь вечером. Я не утром это мерила. Место кончилось.

Инга отметила время, не исправляя расположение записей.

Оставался третий вопрос — работа. Она рассказала, какие сведения уже есть и каких нет. Современные протоколы относились к определённой работе закрытого участка. Для прошлых лет ожидались первичные материалы, а в личном маршруте Антонины пока было слишком много крупных записей: название участка, должность, общий период. Предстояло уточнять действия и переходы, не требуя вспомнить каждую смену.

— А пока опять ждать? — спросила Антонина.

— Документы — да. Лечение по установленным показаниям и обследование — нет. Срок повторной оценки ограничений тоже не переносится из-за архива.

— Если ничего не докажете, мне скажут: сама такая стала.

Инга посмотрела на её руки. Антонина держала ручку неудобно, слишком близко к кончику, но писать пока не начинала.

— Причина болезни не определяет, заслуживаете ли вы помощи, — сказала Инга. — И отсутствие профессионального диагноза не даст никому права говорить за вас.

— Я не про право. Я про то, как они будут смотреть.

На это у Инги не было ответа, который можно было исполнить. Она могла проверить документ, потребовать уточнения, не передать лишние сведения. Заставить мужа, коллег или кадровика смотреть иначе она не могла.

— Этого я вам обещать не могу.

Антонина отвернулась к окну. На стекле остался след от снятой наклейки; в мутном прямоугольнике двор казался немного дальше.

Чернова не заполняла паузу. Инга тоже молчала, хотя время согласованного приёма подходило к концу.

— Продолжим, — сказала наконец Антонина. — Только не пишите больше, что я из группы.

— В медицинском деле у вас отдельная история, — ответила Инга.

— Я понимаю, что отдельная папка. Я про разговор. Не надо «у вас у всех». Я за Руслана не знаю. И за Стаса.

— Хорошо.

Антонина начала записывать. Сначала — что подтверждено. Потом — что ещё проверяют. На третьем пункте остановилась и спросила, какие документы о работе ей надо искать самой, чтобы не принести снова всю папку целиком.

Инга назвала только ближайшее: доступные записи о переводах и периоды, когда менялся участок. Подробный разговор об операциях они назначили отдельно.

— А если я год не вспомню?

— Так и оставим. Попробуем найти другую опору.

Чернова уточнила дату следующего контакта и отключилась. Антонина прочла свой лист вслух, исправила одно слово, затем убрала его в папку. Телефон завибрировал. Она посмотрела сообщение и сама ответила Михаилу, что выходит через пять минут.

Инга не предложила ей готовый пересказ для мужа.

Вечером она открыла клинический перечень в защищённом разделе. До сих пор он помогал следить за назначениями: у кого получены результаты, кому назначена консультация, где требуется повторный контакт. Теперь возле каждого человека она отдельно вынесла подтверждённые нарушения, возможные причины и вопросы, которые ещё не получили ответа.

В строке Ерохина появилось начатое лечение и уточнение причины дефицита. В строках Антонины и Руслана остались разные незавершённые обследования. Общая графа «неврологические жалобы» больше не годилась для короткой сводки; Инга убрала её из проекта, не удаляя прежних записей.

Павел оставил на соседнем столе копии трудовых документов для завтрашней сверки. Медицинский экран она закрыла, прежде чем взять их.

В нескольких строках повторялось одно название должности — «аппаратчик». За ним стояли разные даты, разные участки и годы, пока ещё не разделённые на то, что человек делал сам, к чему подходил и сколько времени проводил рядом.

Инга положила рядом чистый лист для рассказа Антонины. Название должности переписала. Места под действия оставила больше.

Глава 8. Кто стоял у ванны

Антонина перевернула фотографию.

— Это с другой стороны снято. Вы мне так положили, будто вход здесь.

Инга развернула старый план. На нём вход действительно оказался справа, а на фотографии — за спиной человека, державшего камеру. Она уже провела между двумя листами стрелку и теперь зачеркнула её.

— Тогда покажите, откуда вы подходили.

Они сидели в маленьком кабинете местной поликлиники. Приём здесь начинался после обеда; до него им оставили стол, два стула и сорок минут. Инга убрала медицинские бланки, чтобы не смешивать сегодняшний разговор с осмотром. Перед Антониной лежали фотографии оборудования, копии нескольких страниц трудовой книжки и лист, который она принесла сама.

На листе было написано: «После отпуска. Когда убрали перегородку. До перехода во вторую».

— Это годы? — спросила Инга.

— Это чтобы вспомнить. Годы я вам уже сказала, потом дома посмотрела — не сходится.

— Будем проверять.

Антонина сняла очки, протёрла их краем салфетки. На третьей неделе обследования она всё ещё приходила так, словно готовилась доказать, что способна закончить порученное. Сегодня Инга не стала раскладывать за неё все фотографии по времени. Оставила три, остальные убрала в папку.

— Начнём с этого места.

— Тут я была ещё до второй бригады. Только в книжке у меня ничего не менялось.

В трудовой книжке повторялось название должности. Между двумя записями прошли годы, за которые перегородку демонтировали, часть управления вынесли в проход, а привычный подход к оборудованию оказался закрыт трубами.

Антонина положила ладонь на фотографию старого прядильного места.

— Здесь у ванны стояли. А сюда подходили, когда работу передавали. Не одно и то же.

— Кто стоял у ванны?

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.